

Ключевые слова
 Великая Отечественная война, немецко-фашистская оккупация,
 Смоленск, Минск, Русское Зарубежье, коллаборационизм, культура,
 музыка, православная церковь, архивы.

Зверева С. Г.

Жизнь и музыка в оккупированном Смоленске и некоторых других советских городах в годы Великой Отечественной войны*

Аннотация

Статья посвящена неизвестным аспектам истории Второй мировой войны. В центре внимания — Смоленск, оккупированный с июля 1941-го по сентябрь 1943 года армией III рейха, а также ряд других советских городов, находившихся «под немцами» в определенные периоды Великой Отечественной войны. Рассматриваются социальные, культурные и религиозные аспекты жизни советских граждан при «новом порядке», поднимается тема коллаборационизма. Особое внимание уделяется музыкальной жизни в Смоленске перед началом Великой Отечественной войны и во время оккупации. Работа основана на архивных источниках Государственного архива Смоленской области и Центрального государственного архива высших органов власти и управления Украины. Используются данные опросов жителей Смоленска, переживших оккупацию. В работе впервые подчеркивается важность изучения истории оккупации для понимания истории культуры русского зарубежья.

Key Words

Great Patriotic War, German Nazi occupation, Smolensk, Minsk, Russian diaspora, collaborationism, culture, music, Orthodox Church, archives.

S. Zvereva

Life and Music in Occupied Smolensk and in Some Other Cities of the Soviet Union During the Great Patriotic War

The article deals with lesser known aspects of the history of World War II. In the centre of attention is Smolensk, occupied by the Germans from July 1941 to September 1943; some attention is paid also to other occupied Soviet cities. Social, cultural and religious aspects of the life of Soviet citizens under the 'New Order' are discussed; the issue of 'collaborationism' is touched upon. The musical life in Smolensk in the years preceding the Great Patriotic War and under the Nazi occupation is investigated in detail. The paper is based on archival sources from the State Archives of Smolensk region and the Central State Archives of the High Government Bodies of Ukraine. The information from interviews with those residents of Smolensk who have survived the occupation is used. For the first time the importance of studies of the history of occupation for understanding the history of culture of Russian diaspora is highlighted.

* Приношу благодарность коллегам, которые оказывали содействие в написании этой статьи, предоставляя материалы, уточняя факты, проверяя иностранные тексты. Это Н.В. Деверилина (Смоленск), В.В. Красовский (Сан-Франциско), Г. Кратц (Мюнстер), С. Кэмпбелл (Глазго), Э. Моредда (Глазго), протоиерей Андрей Папков (Чикаго), Б.А. Равдин (Рига), Л.Л. Степченко (Смоленск), Ю.Н. Шорин (Смоленск). Благодарю уроженков Смоленска В.К. Гаврилову, Г.К. Клемент и В.И. Московкину, которые поделились со мной воспоминаниями о годах, проведенных в оккупации. С благодарностью вспоминаю ныне покойного сотрудника Белорусской библиотеки им. Ф. Скорины в Лондоне Г. Пикарду, хранителя архива М. Куликовича, содействовавшего ознакомлению с этой коллекцией. Особая благодарность — сотрудникам Сектора музыки Государственного института искусствознания, принимавшим участие в обсуждении этого текста.

По некоторым данным, в годы Великой Отечественной войны на территориях СССР, оккупированных III рейхом, оказалось не менее 80 миллионов человек, то есть около 40% населения страны¹. Из них 30 миллионов жили в Российской Федерации, где гитлеровский оккупационный режим в первые же месяцы войны воцарился в двенадцати краях и областях.

Несмотря на то, что в советское время изучение истории Великой Отечественной войны являлось одним из приоритетных научных направлений, самый широкий спектр вопросов, связанных с оккупацией (в частности, социальная, общественная, религиозная, культурная, бытовая жизнь населения), исследованию не подлежал. Одна из главных причин — непризнание факта сотрудничества населения с врагом:

На эту проблему, по существу, было наложено табу как якобы не существующую вообще, ибо подобное утверждение противоречило партийной концепции о «морально-политическом единстве советского народа»².

Новые подходы к освещению истории стали возможны во многом благодаря начавшемуся в 1980-е годы процессу упразднения секретного статуса некоторых архивов военного времени. Развитие отечественного краеведения повлекло за собой запись, поиск и публикацию воспоминаний об оккупации, издание статей

коллаборационистской печати, фотографий³. В русле развития «эмигрантоведения» в научный оборот был введен ряд литературных текстов, авторами которых являлись бывшие советские граждане, уехавшие за границу⁴. У исследователей появилась также возможность ознакомления с первоисточниками, хранящимися в зарубежных странах. Некоторые коллекции ныне находятся в открытом доступе на электронных ресурсах — например материалы так называемого Гарвардского проекта, в рамках которого в начале 1950-х годов записывались интервью с советскими гражданами, находившимися на территории западной оккупационной зоны в Австрии и Германии, а также документы Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга⁵.

Указанные процессы непосредственным образом коснулись и Смоленской области, где в годы войны «под немцами» осталось более полутора миллионов человек⁶. В 1982 году, почти через сорок лет после окончания войны, в Государственном архиве Смоленской области был открыт для исследования первый фонд военного времени: «Смоленская областная чрезвычайная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков»

³ Жизнь в оккупации. Пушкин, Гатчина, Эстония. Дневник Люси Хардикайнен. СПб.: Изд-во СПб университета, 1999; *Кравченко-Бережной Р.А.* Между белым и красным: стоп-кадры моего XX века. СПб.: ГАМАС, 2008; Дневник сельской учительницы времени немецкой оккупации / Публ. О. Николаева // Альманах «Русский мир». Пространство и время русской культуры. СПб.: Изд. НП Международная ассоциация «Русская культура», 2010. С. 258–285; Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Сост. К.М. Александров. СПб.: Скрипториум, 2011. <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/26195/ogl.shtml>

⁴ См., например: *Папкова Н.Н.* «Господь хранит пришельцев» (книга воспоминаний). Б. м., 2007; *Полчанинов Р.В.* Молодежь русского зарубежья. Воспоминания. 1941–1945. М.: Посев, 2009; *Осипова Л.* Дневник коллаборантки; *Самарин Вл.* Гражданская жизнь под немецкой оккупацией, 1942–1944 // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. и отв. ред. О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. М.: РОССПЭН, 2012, и др.

⁵ См. об этом проекте: *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. Материалы из «Коллекции документов Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга», находящиеся в Центральном государственном архиве высших органов власти и управления Украины (ЦДАВОУ) размещены на веб-ресурсе этого учреждения: URL: <http://err.tsdavo.gov.ua/1/webpages/61535226>. См.: *Кашеварова Н., Малолетова Н.* Деятельность Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга в оккупированной Европе в период Второй мировой войны: Справочник-указатель архивных документов из Киевских собраний. Киев: 2006.

⁶ *Красильников И.Б.* Состояние образовательных и культурно-просветительных учреждений Смоленской области в период немецкой оккупации // Известия Смоленского государственного университета. 2009. № 1 [5]. С. 199. Как установил Д.Е. Комаров, приблизительная численность населения Смоленской области к началу войны — 2100000 человек. (*Комаров Дмитрий.* Население Смоленской области на 22 июня 1941 года // Край Смоленский. 2015. № 5. С. 5).

¹ *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. С. 7. Несколько меньшая цифра советских граждан, оказавшихся на оккупированных территориях СССР (70 миллионов), приводится в статье: Будницкий О.В., Зеленина Г.С. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. и отв. ред. О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. М.: РОССПЭН, 2012. С. 4.

² Семиряга М.И. Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. С. 12.

(№ р-1630). Пик волны «рассекречивания» фондов ГАСО пришелся на конец 1980-х — начало 1990х годов. В 1990–96 годах открытие прежде закрытых фондов проходило и в Центре документации новейшей истории Смоленской области (до 1992 года — партийный архив Смоленского обкома КПСС)⁷.

Архивы подконтрольных немецким властям русских органов власти, созданных на оккупированных территориях, сохранились с огромными лакунами, что во многом объяснялось как потерями коллекций во время военных действий, так и сознательным их уничтожением во время отступления немецкой армии. То, что не удалось вывезти или уничтожить, затем попадало в руки советских органов госбезопасности⁸.

По всей видимости, не стали исключением и архивные материалы 1941–43 годов, которые находятся в восемнадцати «трофейных» фондах ГАСО. Самым крупным из них является фонд № р-2673, «Смоленское городское управление периода временной немецко-фашистской оккупации», состоящий из 350 дел. Документы, являвшиеся, по-видимому, лишь малой частью архива, были обнаружены после изгнания гитлеровцев из Смоленска в сентябре 1943 года в разрушенном здании. Дела, непосредственно связанные с культурной жизнью Смоленщины, в архиве отсутствуют. Однако косвенные данные обнаруживаются в финансовых документах, а также в заявлениях жителей, адресованных лично бургомистру и в отделы городской управы.

По мнению историка Б.Н. Ковалева, в годы войны Смоленск стал своего рода литературной столицей оккупированной России, о чем свидетельствует и обилие выходивших в нем периодических изданий. Как полагает исследователь, это было связано с тем, что в Смоленске были сконцентрированы значительные творческие силы, «в том числе и профессиональные журналисты, и члены Союза писателей СССР»⁹.

⁷ «...Все судьбы в единую слиты...». По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Авторы-сост.: Н.Г. Емельянова, А.М. Дедкова, О.В. Виноградова, Г.В. Гаврилова, В.А. Кононов. Смоленск: Маджента, 2003. С. 6. В этом сборнике опубликован ряд материалов по истории Смоленской области в годы оккупации. Нужно, однако, отметить, что еще задолго до «рассекречивания» трофейных фондов ГАСО подборка документов оккупационной администрации была опубликована в сборнике: Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943 гг. Документы и материалы / Сост.: Н.П. Галицкая, А.И. Гуляев, Л.В. Котов, З.И. Парамонова, Ф.К. Строилов. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1962. С. 484–509.

⁸ Кеннеди Гримстед П. Дважды украденные и дважды спасенные. Идентификация русских «трофейных» архивов и нацистских учреждений, конфискованных их // URL: <http://libfl.ru/restitution/conf/grimsted.html>

⁹ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. С. 409–410.

В ГАСО сохранились и подшивки газеты «Новый путь» (*Der neue Weg*), выходившей с октября 1941-го по сентябрь 1943 года.

Газета выпускалась Смоленской городской управой и издавалась два раза в неделю тиражом в 70 тысяч экземпляров. (Иногда тираж доходил до 100 тысяч¹⁰).

Страница смоленской коллаборационистской газеты «Новый путь» (1942. № 27. 9 апреля)

Здание издательства и редакции газет «Новый путь», «Колокол», журналов «На переломе», «Бич», «Новая жизнь» на Театральной площади (до войны — улица Карла Маркса, ныне — площадь Ленина) в Смоленске напротив Театра драмы («Новый путь». 1942. № 81. 15 октября)

¹⁰ Сведения о тиражах «Нового пути» приведены по статье: Красильников И.Б. Состояние образовательных и культурно-просветительных учреждений... С. 205. Б.Н. Ковалев приводит другие цифры: 150–200 тысяч. Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь... С. 409.

По всей видимости, «Новый путь» был самой «популярной» русской газетой в годы оккупации, которую знали и местные жители. Скорее всего, именно о ней пишет в своих воспоминаниях В.А. Гагарин (брат Ю.А. Гагарина): семья космонавта в годы войны жила в селе Клушино Гжатского района Смоленской области.

Отрезанные от всего света, мы не могли слушать радио, читать советские газеты. О том, что творится на нашей земле, где проходят линии других фронтов, как помогают — и помогают ли? — нам союзники, только гадать приходилось. Правда, выходила в Смоленске газетенка на русском языке, и подписи под корреспонденциями в ней были отнюдь не немецкими. Фашисты насильно распространяли ее среди населения¹¹.

Как сообщает мемуарист, население относилось к газете с презрением, однако в условиях дефицита бумаги ее охотно брали на самокрутки. Значительно меньшими тиражами издавались в Смоленске и другие периодические издания: газеты «За свободу», «Голос народа» и крестьянский «Колокол», художественно-публицистический журнал «На переломе», сатирический «Бич», педагогический «Школа и воспитание», детский «Школьник», орган Смоленского городского управления «Смоленский вестник». В Рославле выходила газета «Новая жизнь»; среди военнопленных распространялась газета «Речь».

Нужно добавить, что пропагандистская машина III рейха в годы войны придавала средствам массовой информации огромное значение¹². Так, общее число периодических изданий, выходивших на оккупированных землях, по мнению историка А.В. Огорокова, было

¹¹ Цит по.: Кононов В. Наш брат Юрий // О чем говорит Смоленск. 2014. № 11 (101). 23 июня. С. 32–33.

¹² В настоящее время тема коллаборационистской печати, как и пропагандистская деятельность немецких властей вообще, обсуждается в ряде работ. См., например: Огороков А.В. Особый фронт. Немецкая пропаганда на восточном фронте в годы Второй мировой войны. М.: Русский путь, 2007. Исследованию коллаборационистской газеты «Новое время» посвящена глава книги: Пономарева Г.М., Шор Т.К. Русская печать и культура в Эстонии во время Второй мировой войны [1939–1945]. Vene trükisõna ja kultuur Eestis II Maailma sõja ajal [1939–1945]. Tallinn: 2009. С. 126–142. Выявление и изучение литературы, изданной в 1941–1945 гг., проводится Б.А. Равдиным. См. его статью: Предварительный список русской религиозной литературы, изданной на оккупированных территориях СССР, в Германии и некоторых сопредельных европейских странах в 1941–1945 года // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge. Wiesbaden: 2014. [Vol.] 2. С. 176–221.

свыше 300, при этом печатались эти газеты и журналы на 30 языках народов СССР¹³.

Панегирики вождям III рейха, бравурные репортажи о военных победах, материалы, пропагандировавшие германский образ жизни и культурные ценности, а также антисоветские и антисемитские публикации — все это помещалось в газетах попеременно со статьями, посвященными культуре, церкви, литературе, искусству. Подача текстов, посвященных даже нейтральным темам, давала нужное заказчикам направление их интерпретации. Однако определенная доля свободы у журналистов все же была. Как полагает культуролог Б.А. Равдин,

...Журналист все-таки умнее цензора, как заключенный умнее своего сторожа, потому что сторож думает о нем 8 часов, во время работы, а заключенный думает о стороже 24 часа в сутки. И в этом смысле хитрецы-журналисты, которых очень жалко бывает, но, в общем, у них есть какие-то свои козыри, которыми они любят щеголять, мол, вчера удалось в такой-то фразе цензора обмануть, вывернуть наизнанку и представить то, что нам-то всем читателям понятно, а ему, немчуре, никогда не понять¹⁴.

Тем не менее, какими бы благими целями ни руководствовались авторы статей в выходивших «под немцами» газетах, информационный контекст, в котором они помещались, к сожалению, бросал довольно мрачную тень даже на «правильные», интересные и талантливые тексты. Как пишут О.В. Будницкий и Г.С. Зеленина,

Невозможно всерьез воспринимать рассуждения о любви к родине, соседствующие с ликующими сообщения о потерях Красной армии, то есть об убийствах иноземцами тех самых русских людей, к патриотическим чувствам которых апеллирует автор, печатающийся на страницах газеты,

¹³ В книге «Особый фронт. Немецкая пропаганда на восточном фронте в годы Второй мировой войны» А.В. Огороков помещает в приложение: «Перечень газет, журналов и бюллетеней, выпускавшихся для оккупированных территорий» [С. 198–215]; «Издания на украинском языке и для оккупированных территорий Украины» [С. 216–218], «Издания на белорусском языке» [С. 218–219]. Издания на русском языке, судя по вкладкам А.В. Огорокова, были самой многочисленной категорией. В середине войны пропорции были, по всей видимости, несколько иными. Так, согласно данным газеты «Новый путь», самой массовой и разнообразной была «продукция» для Украины: в середине 1942 года на захваченной немцами территории СССР распространялось 140 газет на девяти языках, в том числе 6 — на белорусском, 18 — на русском и 50 — на украинском [Газетное дело на освобожденных Восточных территориях // Новый путь. [Смоленск]. 1942. № 58. 26 июля].

¹⁴ См. беседу И.Н. Толстого с Б.А. Равдиным на тему «Русская печать под нацистами» // URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/2092782.html>

существующей с позволения оккупантов и обслуживающей прежде всего их интересы¹⁵.

Периодические «поднемецкие» издания являются весьма специфическим видом исторического источника, в котором правда искусно смешивалась с откровенной пропагандистской ложью. Однако именно эти источники, на фоне малочисленности, а в некоторых случаях и отсутствия документальных архивных ресурсов, составляют основную базу многих работ, посвященных немецко-фашистской оккупации. Разумеется, содержащаяся в них информация воспринимается историками критически и проверяется всеми возможными способами.

В настоящее время исследование истории оккупированных земель стало одним из наиболее бурно развивающихся направлений российской историографии, посвященной Великой Отечественной войне¹⁶. Однако среди проблем, которые обсуждаются в этих работах, музыкальная проблематика, как правило, отсутствует. Ей уделяется внимание лишь в исследованиях, посвященных Эстонии и Латвии, то есть тех стран, которые были присоединены к СССР в 1940 году. Так, заметное место музыка занимает в книге Б.А. Равдина «На подмостках войны: Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941–1944)», в которой, помимо исследовательской статьи («Русская сцена Латвии времен германской оккупации»), приводится «Хроника русской театрально-концертной жизни Латвии. 1941–1944» и подборка концертных и театральных программ¹⁷. «Русская песня и музыка в 1939–1945 гг.» — таково название одной из глав упомянутой выше монографии Г.М. Пономаревой и Т.К. Шор «Русская печать

¹⁵ Будницкий О.В., Зеленина Г.С. Идеиный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны. С. 21.

¹⁶ Веригин С.Г. Предатели или жертвы войны: Коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012; Романько О.В. Белорусские коллаборанты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2013; Абовян Е.Н. Брянский регион в годы Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941–1943 гг.). Брянск: Изд-во БГГУ, 2014; Романько О.В. Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2014; Шарков А.В., Грозов В.В., Бествицкий Ю.А. Под крестом судьбы. Изд. 2-е. Минск: Белорусская Православная Церковь; Международный благотворительный фонд «Семья — Единение — Отечество», 2014 и др. Оккупация Смоленщины посвящена одна из глав книги: Комаров Дмитрий. Смоленская область в огне Великой Отечественной: война, народ, победа. Смоленск: «Свиток», 2015.

¹⁷ Равдин Б.А. На подмостках войны: Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941–1944). Stanford: 2005. (Stanford Slavic Studies. V. 26.)

и культура в Эстонии во время Второй мировой войны (1939–1945)». Тема музыки кратко затрагивается в некоторых других исследованиях, посвященных оккупации¹⁸.

***

Война ворвалась в Смоленск через несколько дней после нападения немецко-фашистской Германии на Советский Союз. Уже 25 июня город подвергся первой бомбардировке вражеской авиации. В середине июля, когда немецкие солдаты уже входили в город, громкоговорители оповещали население, что враг находится еще под белорусским городом Орша¹⁹. В городе царил паника и растерянность, начались грабежи. Мародеры грабили дома, государственные учреждения, в том числе театр, откуда тащили костюмы и декорации²⁰. Ограблению подвергся и знаменитый Успенский кафедральный собор Смоленска, в 1933 году закрытый и затем превращенный в антирелигиозный музей²¹. Из собора была украдена всероссийская святыня — древняя икона Смоленской Божией Матери Одигитрии²². Успевшие выйти из Смоленска беженцы, не найдя возможности продвигаться дальше из-за боев, были вынуждены либо оставаться в деревнях, либо возвращаться в Смоленск, где к тому времени многие дома и квартиры были разрушены или захвачены посторонними людьми.

Во время бомбардировок города в июне и июле 1941 года немецко-фашистской армией от фугасных и зажигательных бомб значительно пострадала центральная часть города, полностью были

¹⁸ Музыкальные события очень кратко упоминаются в книгах Б.Н. Ковалева «Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации» и «Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы» (Великий Новгород: 2009), а также в книге: Cohen Laurie R. Smolensk under the Nazis: Everyday life in Occupied Russia. Woodbridge, Suffolk: Boydell & Brewer, 2013. Сообщено моим отцом, Г.Н. Зверевым (1927 года рождения), находившимся с матерью с сестрой в оккупированном Смоленске.

¹⁹ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь... С. 23.

²⁰ Внутри собора размещалась антирелигиозная выставка, «гвоздем» которой были размещенные в алтаре чучела животных в священных одеждах. На горнем месте восседал козел в епископском облачении. Серафим (В.Л. Амельченков), иеромонах. Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Смоленской области). Смоленск: Свиток, 2012. С. 52–53.

²² Амельченков В.Л. Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: «Свиток», 2006. С. 87–88. Местонахождение находившейся в Успенском кафедральном соборе древней чудотворной иконы Смоленской Божией Матери до сих пор не установлено. Пропавшую бесследно чудотворную икону в годы же войны заменили на ее список. (Этот образ известен тем, что сопровождал русскую армию во время Отечественной войны 1812 года).

разрушены и сгорели дома в северо-восточной части города и в некоторой степени — в южной его части²³. Дальнейшие разрушения были связаны с артиллерийскими обстрелами города, которые шли еще в течение месяца и после 15 июля²⁴.

20 июля в немецкую комендатуру в Смоленске были собраны представители городской интеллигенции, которым было безальтернативно предложено «работать по организации жизни оставшегося в Смоленске населения»²⁵. Как пишет Б.Н. Ковалев,

Бургомистром (или начальником города) согласился стать В.Г. Меньшагин²⁶. Ему назначили двух помощников — профессора Б.В. Базилевского и приехавшего вместе с немцами Г.Я. Гандзюка²⁷. В ведении Базилевского находились отдел просвещения (во главе его стоял профессор В.Е. Ефимов),

²³ Кадры трофейной кинохроники, запечатлевшей бои при захвате гитлеровцами Смоленска в июле 1941 года, можно видеть на ссылке: URL: <https://youtu.be/h9A0B2by21o>

²⁴ Приводим фрагмент составленного смоленскими партизанами отчета о состоянии Смоленска в 1942 году: «Разрушены все крупные здания учреждений и советских организаций, разместившихся на главных улицах: Ленинской, Советской и Социалистической, так, разрушены большие здания: Дом Красной Армии, управление связи, прокуратура, почта, ряд торговых зданий. Значительно пострадали здания Белорусского военного округа с прилегающими к нему нового социалистического типа домами. Значительно разрушены предприятия: Смоленский льнокомбинат, Механический завод № 35, находившиеся в южной части города. Сильно разрушены здание нового областного драматического театра, выстроенное в 1939 г., и клуб советских торговых служащих. Уничтожен Дом артиста. Из культурно-просветительных учреждений работает только кино, и ставятся спектакли в деревянном здании старого театра. Библиотеки и клубы не работают. Центральная библиотека имени Ленина сгорела, а само здание немцами разрушено. Городская смоленская больница, пострадавшая от налетов и артиллерийского обстрела, в результате хозяйничанья немецко-фашистских захватчиков приведена в окончательное запустение. Крупные здания — общежития медицинского и педагогического институтов полностью сгорели. Центральная городская баня не работает. Электростанция восстановлена немцами только частично и работает на одну турбину. Городской трамвай не работает. Смоленский железнодорожный вокзал разрушен». (Справка, составленная партизанами отряда Борисова-Мозина об оккупированном немецкими войсками городе Смоленске и прилегающих к нему районах с городами Рудня, Каспля и Демидов. 1942 год // «...Все судьбы в единую слиты». По рассекреченным архивным документам. С. 68).

²⁵ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь... С. 23.

²⁶ Неточные инициалы: должно быть Б.Г. Меньшагин.

²⁷ Согласно сведениям Б.Н. Ковалева, Гандзюк был русским эмигрантом. В его обязанности во время работы в Смоленской управе входили контроль за тюрьмами и полицией Смоленска. Ссылаясь на книгу «Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации [1941–1944]» (Иерусалим: 1992), Ковалев пишет о причастности Гандзюка к уничтожению евреев в смоленском гетто 15 июля 1942 года. На неофициальном интернет-ресурсе размещена информация, согласно которой Г.Я. Гандзюк был сыном царского генерала, до войны жил в Чехословакии, где окончил русскую гимназию в Моравской Тршебове и затем получил строительное образование. [URL: <http://www.proza.ru/2014/01/11/1838>]

отдел искусства (во главе — художник В.М. Мускатов), отдел городского врача (во главе — доцент К.Е. Ефимов), городского ветеринара (во главе — врач К.И. Семенов) и жилищный отдел (руководитель — профессор В.А. Меланьев)²⁸.

По всей видимости, Б.Н. Ковалев пользовался источником, в котором информация была непреднамеренно или умышленно искажена²⁹. В частности, упомянутый в нем В.М. Мускатов — не кто иной как один из самых авторитетных смоленских художников В.И. Мушкетов, в свое время получивший образование в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, а затем в Академии художеств в Санкт-Петербурге. Оставшись в 1941 году в оккупированном Смоленске, он был привлечен к работе в городской управе и назначен директором Смоленского музея³⁰.

Настоящее имя другого упомянутого в цитате человека, В.А. Меланьева, на самом деле было В.А. Меландер. Дворянин по происхождению, он являлся известным профессором-биологом и музейным деятелем. Автор ряда фундаментальных научных работ в области зоологии, Меландер вел педагогическую деятельность — служил деканом факультета естествознания в Смоленском педагогическом институте, возглавлял Смоленский губернский естественно-исторический музей и другие музейные организации³¹.

В документе упоминается заведовавший отделом просвещения профессор В.Е. Ефимов. На самом деле речь идет о профессоре

²⁸ Ковалев Б.Н. Повседневная жизнь... С. 23.

²⁹ Ссылку на источник автор не приводит. Можно по контексту догадаться, что информация заимствована из допроса некоего лица, арестованного после войны советскими органами государственной безопасности. Уточнения по составу руководства управы содержатся в других публикациях: Меньшагин Б., начальник города Смоленска. Славная годовщина // Новый путь. 1942. № 55. 16 июля; Илькевич Н.Н. Смоленск во власти неприятеля: 26 месяцев оккупации / Базилевский Б.В. Общая картина жизни в Смоленске во время немецкой оккупации // Публ. Н.Н. Илькевича // Смена [Смоленск]. 1994. № 24. 18 июня; № 25. 25 июня; № 26. 2 июля. Административное устройство Смоленской области в годы оккупации подробно рассматривается в статье: Комаров Дмитрий. Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине // Край Смоленский. 2003. № 3–4. С. 21–44.

³⁰ См. о нем: Иванов М.В. Мушкетов Виталий Ильич // URL: http://www.nasledie-smolensk.ru/pkns/index.php?id=2380&Itemid=61&option=com_content&task=view См. также: Шедвиговский И. Живописец смоленской истории // Юный пионер [Смоленск]. 1941. 13 марта; Иванов М.В. «Но разведка доложила точно»: материалы к биографии Смоленского музея // Архив наследия — 2000. Научный сборник. М.: Институт Наследия, 2001. С. 286–292; Ермолаев М.М. Дополнение о Мушкетове // Там же. С. 293–296.

³¹ Иванов М.В. Меландер Владимир Алексеевич // URL: http://www.nasledie-smolensk.ru/pkns/index.php?option=com_content&task=view&id=2984&Itemid=61

И.Е. Ефимове, который до войны возглавлял кафедру физики Смоленского медицинского института, вел интенсивную научную работу³². Кстати, управа размещалась в здании бывшего Дворянского собрания, где до войны и после нее находился Смоленский медицинский институт (а ныне — Смоленская государственная областная филармония имени М.И. Глинки).

Не менее известной фигурой являлся и профессор Б.В. Базилевский (1885–1955), также дворянин по происхождению. Выпускник физико-математического факультета Петербургского университета, Базилевский до революции преподавал математику, физику и космологию в Варшавском университете. С 1919 года он жил в Смоленске, работал преподавателем в Смоленском государственном педагогическом институте и в обсерватории. Базилевский был автором работ по астрономии, вел научную и общественную деятельность³³.

Особо следует остановиться на личности самого Б.Г. Меньшагина (1902–1984), на долю которого выпало руководить городом в столь трагический период его истории. Выходец из дворянского сословия, он был сыном смоленского судьи. Однако в 1919 году добровольно вступил в Красную армию, где служил до 1927 года. Был уволен с военной службы за религиозные убеждения и посещение церкви. Заочно приобрел профессию юриста и выступал на процессах как адвокат, защищая людей в годы сталинских репрессий. С 1937 года работал в коллегии адвокатов в Смоленске, где его и застала война³⁴.

Реальная власть в Смоленске, ставшем центром военной области «Митте» (Mitte), куда, помимо Смоленщины, входили также Витебская, Орловская, частично Минская и Могилевская области,

³² Смоленская Государственная медицинская академия. История кафедры медицинской и биологической физики. После войны И.Е. Ефимов арестован и осужден не был. Он по-прежнему преподавал в медицинском институте и вышел на пенсию в 1950 году. URL: http://sgma.info/index.php?option=com_content&task=view&id=662

³³ См. подробно о Б.В. Базилевском в статье Н.Н. Илькевича, сопровождающей публикацию текста Базилевского (Смена. 1994. № 24. 18 июня; № 26. 2 июля).

³⁴ См. о нем в статье: *Костюченков А.А.* Бургомистр Смоленска Б.Г. Меньшагин. Отражение политических репрессий, «Катынского дела» и немецкой оккупации в судьбе советского адвоката // Вестник «Катынского мемориала». 2011. № 11. URL: <http://memorial-katyn.ru/en/архив/64-burgomistr-smolenska-bg-menshagin-otrazhenie-politicheskix-repressij-lkatynskogo-delar-i-nemeczkoj-okkupaczii-v-sudbe-sovetskogo-advokata-.html>. См. также: *Меньшагин. Б.Г.* Воспоминания: Смоленск... Катынь... Владимирская тюрьма... Paris: YMCA-Press, 1988. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=655>

принадлежала военно-полевым комендатурам³⁵. Ни один существенный вопрос, который надлежало решать Смоленской городской управе, учрежденной 25 июля 1941 года, не решался без санкций оккупационной власти. Будучи распорядительно-исполнительным органом, управа должна была доводить до населения ее распоряжения; на нее также возлагались все обязанности по налаживанию работы всей городской инфраструктуры. Можно догадываться, что упомянутые смоленские интеллигенты рассматривали свою работу в управе, как миссию по спасению и облегчению участи их земляков.

Первые распоряжения начальника города вышли в августе 1941 года. Так, в распоряжении № 3 от 19 августа жители оповещались о регистрации и выдаче им удостоверений личности в дополнение к советским паспортам. Распоряжение № 5 от 22 августа обязывало сдать коммунистическую литературу, в том числе школьные учебники и энциклопедии. Распоряжение № 7 от 26 августа содержало приказание:

Всем учреждениям и лицам, занимающим помещения бывших учреждений города, не уничтожать и не выбрасывать находящиеся там архивных материалов, а складывать в отдельные места, защищенные от непогоды и гарантирующие от уничтожения и сообщать об этом в архив города (Соборный двор)³⁶.

Вывески на торговых и промышленных предприятиях должны были содержать надписи на русском и немецком языках. Вместе с тем оккупационные власти широко декларировали лозунг о восстановлении основополагающих русских национальных духовно-исторических начал. Его проявлением стало, к примеру, переименование в декабре 1941 года улиц Смоленска. Многим из них были возвращены дореволюционные названия или же даны новые, нередко связанные с историей города: улица Декабристов стала Годуновской улицей, Советская улица стала Соборной горой, сад Серафимовича — садом Глинки, парк культуры и отдыха — Наполеоновским садом, улица Октябрьской революции — Большой

³⁵ Нужно добавить, что связи Смоленской области с границей с ней Белоруссией всегда были очень тесными, в том числе в административном отношении. Так, 31 декабря 1918 года, когда была провозглашена Белорусская Советская Социалистическая Республика, в ее состав включили и Смоленскую губернию. 2 февраля 1919 года она, однако, была передана в РСФСР. В первой половине 1920-х годов некоторые населенные пункты БССР переходили в Смоленскую область, и наоборот. (См.: Государственный архив Смоленской области и его филиал в г. Вязьма. Путеводитель. Сост.: Е.Г. Бородавкина, Г.Н. Мозгунова, И.Г. Хорева. Смоленск: Свиток, 2012. С. 624). В годы оккупации Смоленская епархия входила в состав вновь образованной Белорусской Православной Церкви.

³⁶ «...Все судьбы в единую слиты». По рассекреченным архивным документам. С. 13.

Пушкинской и т. д.³⁷ В отличие от некоторых других городов, где улицы посвящались германским лидерам (площадь Адольфа Гитлера, улицы Бисмарка и т. д.), в Смоленске подобная практика не применялась.

Как свидетельствует служивший в управе профессор В.А. Меландер,

Сначала отношение к немцам было вполне дружеским. <...> Отношение вскоре начало меняться, в частности, из-за жестокого обращения с военнопленными³⁸.

В числе причин респондент называл также карательные акции в отношении евреев и мирного населения. Исследователи пишут:

<...> Если в июне 1941 года кто-то еще мог сомневаться в том, «на какой стороне правда», то в июне 1944-го, после трехлетнего опыта немецкой оккупации, таковых осталось мало³⁹.

Анализируя «Дневник коллаборантки», автором которого была сотрудница «поднемецкой» газеты «За родину» Лидия Осипова (настоящая фамилия Полякова), они же пишут:

Бичуя оккупантов за глаза и частенько сравнивая их по тем или иным поводам с большевиками, причем в пользу последних, Поляковы тем не менее продолжали сотрудничать с нацистами, считая их злом преходящим, а большевизм — злом «своим» и потому более опасным⁴⁰.

Можно было слышать и мнение о том, что немцы воспринимались, как меньшее зло по сравнению с их местными «прислужниками»⁴¹.

³⁷ Распоряжение № 44 начальника города Смоленска от 13 декабря 1941 года, изданного на основе распоряжения местной комендатуры, опубликовано в книге: «...Все судьбы в единую слиты». По рассекреченным архивным документам. С. 73–81. Переименования улиц в Смоленске, согласно документам управы, производились и в 1942 году.

³⁸ Респондент № 439. [Меландер В.А.] Интервью, данное им 10 февраля 1951 года в рамках Гарвардского проекта // Harvard university refugee interview project. Schedule B, Vol. 11 B-6 [Wartime occupation schedule] Case 439 [interviewer A.D.]. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/5481336?n=4&imagesize=1200&jp2Res=.25&printThumbnails=no>

³⁹ Будницкий О.В., Зеленина Г.С. Идеальный коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны. С. 20.

⁴⁰ Там же. С. 18.

⁴¹ См. интервью с Б.Н. Ковалевым, который говорит: «Я читал в воспоминаниях одной крестьянки: Немцы — они лучше, чем наши сволочи. Почему? Немцы не знают, куда и что обычно мы прячем. А наш приходит, и он сразу же все наши схроны находит и еще немцам рассказывает. Понятно, что и отношение к своей сволочи было более жестокое, чем к какой-то непонятной, чужой» (URL: <http://agenda-u.org/professor-kovalev-kollaboracionizm-v-rossii-v-1941-1945-godyi740.html>). Мнение о том, что наибольшим злом население считало именно «своих», то есть, советских граждан, ставших карателями, мы слышим от большинства старых жителей Смоленской области, пережившего оккупацию.

Не способствовала «популярности» гитлеровской власти и принудительная отправка жителей Смоленщины на работу в Германию.

Вместе с тем, население зачастую не догадывалось о масштабах карательных операций. Возможности передвижения по области были ограничены: для этого требовались пропуска, которые выдавались немецкими властями. Однако слухи об уничтожении обитателей еврейского гетто, о расстрелах подпольщиков и партизан, или тех, кто им помогал, а также больных психиатрической больницы все же ползли по Смоленску. Упоминания о развезжавших по городу зловещих машинах-«душегубках» можно до сих пор слышать из уст старожилов.

В полной мере преступления гитлеровцев были выявлены после освобождения Смоленщины:

<...> В период вражеской оккупации 1941–1943 гг. Смоленская область потеряла 435 тыс. жителей, из которых: 87 626 (20%) были уничтожены оккупантами и их пособниками; 81 621 (19%) человек угнан на принудительные работы, часть из которых впоследствии возвратилась домой; 266 тыс. (61%) умерли естественной смертью в результате голода, болезней, невыносимых условий существования⁴².

Однако со времени захвата области осенью 1941 года до сентября 1943 года, когда немцы будут изгнаны из Смоленской области, пройдет два года. Огромные массы людей, которые зачастую помимо их воли оказались за линией фронта, будут вынуждены жить на своей земле, как в «зарубежье»: при чуждом порядке, в условиях вторжения иной национальной культуры, менталитета, языка, который приходилось усваивать и понимать. Лишенные информации о происходящем на «большой земле», уверяемые новыми властями в том, что советская власть их бросила, а новая воцарилась на вечные времена, люди выстраивали свою линию жизни, стремясь в первую очередь уцелеть.

Для многих оказавшихся «под немцами» советских граждан это была первая и последняя в жизни встреча с «заграницей», которая сама пришла на их землю. Для угнанных или добровольно уехавших с немцами в Германию «заграница» становилась вполне реальной.

***

⁴² Комаров Д.Е. Масштабы потерь мирного населения Смоленской области в период вражеской оккупации 1941–1943 гг. // Край Смоленский. 2015. № 6. С. 5. Многочисленные архивные документы по теме опубликованы в книге: «...Все судьбы в единую слиты». По рассекреченным архивным документам.

В Смоленске, где накануне войны было 165 тысяч жителей, к концу 1941 года, по приблизительным подсчетам, осталось около 50 тысяч человек, по преимуществу женщин, стариков и детей⁴³. Многие оказались без средств к существованию, потеряли не только жилье, но и все имущество. Вместе с тем три четверти пригодных для жизни домов в городе было разрушено⁴⁴. Подавляющая часть населения голодала, в 1941 году в городе случались голодные смерти⁴⁵.

Вид на Главную улицу
(до оккупации —
Советская) в Смоленске
в годы войны⁴⁶

Продовольственная ситуация в 1942 году описывается в партизанском донесении:

Жителям города Смоленска время от времени выдают по 150 граммов хлеба в день, а работающим дополнительно дают горячий обед и 4,5 марки в неделю. Рабочим выдают 400 граммов хлеба в день и 50 рублей в месяц.

⁴³ Рост населения продолжается // Новый путь. 1941. № 17. 11 декабря. В статье указано, что в начале декабря 1941 года в Смоленске проживало 44604 человека, которые прошли регистрацию. Однако еврейское население в этот подсчет включено не было.

⁴⁴ Респондент № 439. [Меландер В.А.] Интервью, данное им 10 февраля 1951 года.

⁴⁵ Сообщено нам жительницей Смоленска В.И. Московкиной (1929 года рождения), дед которой умер от голода в ноябре 1941 года. Интервью от 28 февраля 2015 года.

⁴⁶ Фотография предоставлена смоленским краеведом Л.Л. Степченковым. Многочисленные фотографии Смоленска в годы оккупации можно видеть на интернет-ресурсе администрации города Смоленска [URL: <http://www.smoladmin.ru/victory/photo/photo.php?cat=5&page=27&vtype=big>], а также на веб-ресурсе Old-Smolensk.ru

На получаемые деньги ничего приобрести нельзя. Хлеб в городе Смоленске стоит 5 марок 800 граммов⁴⁷.

Работавший в Смоленской управе В.А. Меландер вспоминал:

Была проблема с питанием; главным источником являлась свободная торговля на рынке по высоким ценам. Город распределял хлеб очень низкого качества, снабжение было в большинстве случаев спонтанным и sporadическим. Сотрудники города имели доступ к муниципальной столовой, которая снабжалась продуктами, оставшимися от немецкой кухни. Те, кто работали для города или немцев, были сравнительно неплохо обеспечены⁴⁸.

В управу очень часто обращались погорельцы и оказавшиеся в Смоленске беженцы из других населенных пунктов, которые ходатайствовали о предоставлении жилья, мебели, одежды. Подлежавшие раздаче вещи ранее принадлежали уехавшим, умершим или арестованным людям. Они хранились на нескольких складах, в том числе в Воскресенской церкви. Для фольксдойче был отдельный склад более качественных вещей.

Мебель, которая находилась «на хранении» у разных владельцев, выдавалась просителям в аренду за плату. В первую очередь удовлетворялись запросы фольксдойче, служащих в немецких военных организациях и городской управе, интеллигенции и духовенства. Так, настоятелю Смоленского кафедрального собора протоиерею Николаю Шиловскому по его заявлению от 3 июня 1942 года, в котором он писал, что не имеет никакого имущества, через неделю выдали в аренду два венских стула, тумбочку, кровать с пружинным матрасом, этажерку, настенные часы и диван⁴⁹. Подобный ассортимент был по тем временам «люксом». С просьбой о выдаче мебели

⁴⁷ Справка, составленная партизанами отряда Борисова-Мозина об оккупированном немецкими войсками городе Смоленске и прилегающих к нему районах с городами Рудня, Каспля и Демидов. 1942 год // «...Все судьбы в единую слиты». По рассекреченным архивным документам. С. 71. О продовольственной скудости вспоминал и Р.М. Берёзов (настоящее фамилия Акульшин), который был одним из наиболее активных авторов «поднемецкого» «Нового пути»: «В столовых кормили супом с кусочками конины, паек выдавался мизерный. Выручала деревня, куда шли по всем радиусам от Смоленска, чтобы раздобыть муки, немного жира, овощей» [Берёзов Родион. Разлука // Вечно живет!.. Нью-Йорк: Raussen, 1967. Т. 2. URL: <http://www.katyn.ru/index.php?go=News&in=view&id=274>].

⁴⁸ Респондент № 439. [Меландер В.А.] Интервью от 10 февраля 1951 года.
⁴⁹ Договора, акты на изъятие имущества и на получение мебели в арендное пользование за март 1943 года // ГАСО. Ф. 2573. № 290. Л. 282.

и картин в жилотдел обратился и священник открытой при немцах Гурьевской кладбищенской церкви отец Евгений Лызлов⁵⁰.

Менее «статусным» гражданам получить необходимое имущество было не столь просто. Так, 12 февраля 1943 года к градоначальнику Меньшагину обратилась церковная певчая и уборщица при Епархиальном управлении Мария Ковалева:

Прошу Вашего разрешения на выдачу мне со склада Управления белья, что-нибудь из верхнего платья, подушку и одеяло. Во время военных действий в городе Смоленске в 1941 году все мое имущество, а также носильные вещи частью сгорели, частью расхищены. В настоящее время я не имею даже сменного белья и переменного платья, а также подушки и одеяла. Приобрести же на базаре не имею никакой возможности, ибо до сего времени работала исключительно только на питание. Правильность моих слов, а также о моем бедственном положении могут в случае необходимости подтвердить соседи или живущие со мной в одном доме. Убедительно прошу Вас в моей просьбе не отказать⁵¹.

Слова просительницы подтвердил епископ Смоленский и Брянский Стефан, который написал градоначальнику и уверил его, что Мария Ковалева действительно человек бедный и имеет нужду в тех вещах, о которых просит⁵². В результате М. Ковалева стала обладательницей цветной скатерти (20 руб.), вязаного платка (50 руб.), старого черного сарафана (75 руб.), шерстяного сарафана (300 руб.), старого ситцевого платья (30 руб.) и подушки (80 руб.)⁵³.

В жилотдел обращались и организации. Например, директор Смоленской музыкальной студии П.В. Вдовенко 23 марта 1943 года попросил в аренду два шкафа для нот, два письменных стола, десять стульев, настенные часы, две этажерки и четыре кресла и др. Прошение было удовлетворено⁵⁴.

Иногда проситель старался получить вещи и мебель, ссылаясь на то, что пострадал от советской власти. Так, к начальнику жилищного отдела управы поступило заявление от проживавшего на Музейной улице, дом 26, кв. 3 «подполковника Копорского полка царской армии» Б.Е. Куроша, который писал:

Подвергаясь неоднократным репрессиям при Советской власти с частичной конфискацией имущества и находясь в числе погорельцев г. Смоленска, я остался без самой необходимой обстановки. Поселившись в вышеуказанном доме, я получил на хранение вещи, покинутые сотрудниками НКВД. Ходатайствую о передаче мне в личное пользование за наличный расчет, согласно оценке комиссии, следующие вещи (Акты комиссии от 29 мая 1942): 1) стол обеденный 70 рублей, 2) шкаф платяной 200 рублей, 3) комод 250 рублей, 4) шифоньер с зеркалом (300 рублей), 5) умывальник 100 рублей, 6) перина детская 50 рублей, 7) подушка перовая 20 рублей. Всего 660 рублей. P.S. Работаю в Отделе пропаганды. 6.II.43. Подполковник Б. Курош⁵⁵.

Выдачей в аренду пианино, роялей, фисгармоний, мандолин, гитар, патефонов и т.п. заведовал «музпрокат», где велся учет всем находившимся в городе подобным «элитным» музыкальным предметам. В фонде Смоленской городской управы в ГАСО имеется ряд списков лиц, вносящих за них арендную плату. В одном из таких списков содержатся не только имена и адреса владельцев, но и указывается, в каком состоянии находится инструмент, с какой целью используется («играют дамы для развлечения», «играет хозяйка, учит своих детей», «была ученицей музыкальной студии» и т.д.)⁵⁶.

Обращались в «музпрокат» и немецкие власти. Так, в январе 1943 года в лагерь военнопленных «Дулаг» (Dulag) № 126 в Смоленске были взяты два рояля для устройства в лагере «капеллы»⁵⁷. Этот пересыльный лагерь пользовался дурной славой: содержание в нем пленных было невыносимым, а смертность крайне высокой. По некоторым данным, за два года оккупации в этом лагере погибло около 60 тысяч человек. По всей видимости, лагерное начальство вознамерилось обзавестись музыкальным коллективом из военнопленных для развлечения «персонала» лагерей или для пропагандистских целей. Услуги хоров и музыкальных ансамблей из военнопленных широко практиковались отделами пропаганды.

По всей видимости, немецкие власти проблем с получением просимого не испытывали, — в отличие от местных жителей. Так, 29 января 1943 года к градоначальнику обратилась машинистка

⁵⁰ Там же. Л. 443.

⁵¹ Там же. Л. 560 об.

⁵² Там же. Л. 560.

⁵³ Там же. Л. 558.

⁵⁴ Договора, акты на изъятие имущества и на получение мебели в арендное пользование за апрель 1943 года // ГАСО. Ф. 2572. № 293. Л. 289.

⁵⁵ Договора, акты на получение мебели в арендное пользование. 23 марта 1942–февраль 1943 // ГАСО. Ф. 2573. № 188. Л. 549.

⁵⁶ Там же. Л. 485, 487.

⁵⁷ Договора, акты на изъятие имущества и на получение мебели в арендное пользование // ГАСО. Ф. 2573. № 289. Л. 131, 454.

полевой комендатуры Л.Н. Бер⁵⁸. Она просила оставить в ее пользовании пианино, которое хотели передать другому арендатору. Л.Н. Бер мотивировала свою просьбу тем, что сама она играла на фортепиано, а ее сестра О.Н. Цевловская давала уроки музыки и являлась аккомпаниатором. Сын последней, Юрий Цевловский, работал в музыкальных ансамблях, в частности, в оркестре народных инструментов К.Я. Данилова, с которым выступал на радио⁵⁹. О.Н. Цевловская также написала Б.Г. Меньшагину, уверяя его, что ее сын не может обойтись без инструмента, поскольку у них дома постоянно бывают «сыгровки»⁶⁰. К заступничеству за сестер подключилась немецкая комендатура, и заявление просительниц, по всей видимости, было удовлетворено.

С просьбами о получении фортепиано жители нередко обращались непосредственно к градоначальнику. Так, 24 февраля 1942 года к Б.Г. Меньшагину поступило заявление местного музыканта П.В. Вдовенко, который просил предоставить ему пианино, поскольку у него на квартире предполагались продолжительные репетиции 2-го акта оперы «Князь Игорь». По распоряжению градоначальника Вдовенко (через год?) было дано напрокат пианино «Красный Октябрь»⁶¹.

Заявление бургомистру
Смоленска Б.Г. Меньшагину
от музыканта
П.В. Вдовенко с просьбой
предоставить рояль для
репетиции оперы «Князь
Игорь». (ГАСО. Ф. 2573.
№ 188)

⁵⁸ Упомянутая в документах Л.Н. Бер являлась вдовой известного музыканта и собирателя народных песен Н.Д. Бера (1860–1926) — внучатого племянника Глинки. До революции Н.Д. Бер работал хормейстером Большого театра, после 1917 года вернулся на Смоленщину и жил в Ельне. Хранившиеся у его вдовы, которая жила в Смоленске, записи собранных фольклористом народных песен погибли во время войны. (См.: Яковлев С. Смоленяне в искусстве. Московский рабочий, 1968. С. 100). Как сообщила нам исследовательница биографии М.И. Глинки Н.В. Деверилина, Л.Н. Бер (урожденная Чурская) являлась второй женой Н.Д. Бера. Умерла не ранее 1966 года.

⁵⁹ Договоры, акты на получение мебели в арендное пользование. 23 марта 1942–февраль 1943 // ГАСО. Ф. 2573. № 188. Л. 510.

⁶⁰ Там же. Л. 509.

⁶¹ Там же. Л. 485, 487.

Порой за владение фортепиано разворачивались острые споры, в которых приходилось разбираться тому же Меньшагину. В декабре 1942 года к нему поступило письмо от учениц музыкальной студии, которые стремились вернуть отобранный у них начальником участка Прозвицким рояль фирмы Rönisch:

«Начальнику города г-ну Меньшагину от учеников музыкальной студии города Смоленска, проживающих в Танцевальной роше. Просим Вас разобрать наше дело. Комендант Прозв[ицкий] 47-го участка отобрал у нас общественную рояль, принадлежавшую ранее детской неврологической санатории и стоявшую у г. Бокач. Нам не на чем заниматься. Просим дать разрешение на общественное пользование этой роялью и установить ее в квартире свободной площади. [Подписи:] Бокач, Сивакова, Новикова, Яковлева, Шаповалова, Тимошенкова, Иванова»⁶².

Хотя корпус рояля был сильно побит, у него отсутствовали крышки, педали, не работал ряд клавиш и т.д., он был оценен в 1000 рублей, и ежемесячная аренда за него составляла 15 рублей. В результате девушки остались ни с чем, поскольку Меньшагин считал невозможным отменять свою собственную старую резолюцию о передаче рояля Прозвицкому, чья дочь также занималась в музыкальной студии.

Разумеется, городские власти решали и множество других задач, о чем говорит административная структура управы. Из финансовых документов ее архива, попавших в ГАСО, следует, что в 1942 году она подразделялась на следующие отделы: 1. «Общее управление», 2. «Полиция», 3. «Школы и культурные учреждения» (а именно, читальни, кино, театр, типографии, музыкальная и балетная студии), 4. «Отдел здравоохранения», 5. «Улица и средства передвижения», 6. «Промотдел», 7. «Отдел продовольствия и заготовок», 8. «Отдел заведывания земельными участками», 9. «Финансы», 10. «Общественное попечение», 11. «Отдел труда»⁶³. Вопросы искусства, по всей видимости, «курировались» также и Отделом пропаганды, который в июне 1942 года размещался по адресу: Музейная улица, дом 11.

***

В первые же дни после воцарения в Смоленске немцы повесили возле управы громкоговоритель. Затем развернулась кампания по

⁶² Договора, акты на изъятие имущества и на получение мебели в арендное пользование // ГАСО. Ф. 2573. № 289. Л. 475.

⁶³ Отчет и объяснительные записки, сводная таблица и отчеты о выполнении бюджета по Смоленску // ГАСО. Ф. 2573. № 279.

установлению в домах радиоточек и организации радиоузла, который начал работать 26 ноября 1941 года⁶⁴. С начала февраля 1942 года транслировались литературные и музыкальные передачи. Они составлялись из произведений русских композиторов, писателей и поэтов. Обладатели радио имели возможность услышать музыку Чайковского, Глинки, Римского-Корсакова, Рахманинова, произведения Пушкина, Чехова, Есенина, Лермонтова, Гоголя, Бунина, Гумилева.

Мы весьма рады, что можем, наконец, вместо грубых, схематическо-искусственных стихов Маяковского, вместо подобострастных «творений» Джамбула, Лебедева-Кумача и других литературных подхалимов прослушать дивные лирические стихи Сергея Есенина, Ивана Бунина и других гонимых советской цензурой истинных русских поэтов, —

цитирует газета «Новый путь» письмо неких жителей Смоленска⁶⁵. Они также писали, что хотят

ближе познакомиться с творчеством истинно русских поэтов и писателей, хотят слушать музыкальные творения Глинки, Чайковского, Рахманинова, Мусоргского, Римского-Корсакова⁶⁶.

В результате в последующие передачи была включена музыка Лядова, Гречанинова, Даргомыжского, Балакирева, Рахманинова, а также литературные сочинения Аркадия Аверченко, Горбунова, Салтыкова-Щедрина, Лермонтова, Островского, Некрасова, Бальмонта и др.

Кстати, исследователи школьного образования на Смоленщине в годы оккупации пишут, что в программу обучения рекомендовалось вводить сочинения авторов-эмигрантов, в частности, Бунина, Шмелева, Бальмонта, а также дореволюционных русских поэтов⁶⁷.

Популярной формой радиопередачи была литературно-музыкальная композиция. Так, 1 марта 1942 года транслировалась композиция под названием «Князь Игорь», в которой были использованы тексты «Слова о полку Игореве» и музыка из оперы Бородина.

⁶⁴ На 10 июля 1942 года в городе было зарегистрировано 1365 радиоточек. (Новый путь. 1942. № 60. 2 августа). К началу августа 1943 года в Смоленске уже было установлено 2197 радиоточек. (Новый путь. 1943. № 61. 5 августа).

⁶⁵ Б. Наши передачи. (Обзор писем радиослушателей) // Новый путь. 1942. № 15. 26 февраля.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Красильников И.Б. Состояние образовательных и культурно-просветительных учреждений Смоленской области... С. 203.

Передавались и сами оперы — как в записи («Евгений Онегин», «Кармен», «Князь Игорь», «Пиковая дама»), так и в живом исполнении. Последнее было, конечно, исключительным случаем. Тем не менее, в апреле 1942 года радиоузел транслировал «Русалку» Даргомыжского в исполнении местных сил и, возможно, заезжих артистов⁶⁸. Такие «труппы», курсировавшие из города в город, не были по тем временам редкостью.

Звучала также из радиоточек и музыка немецких и австрийских композиторов-классиков, а также Грига и Шопена. Практиковались литературно-музыкальные композиции с немецко-австрийской, а также русской музыкой — например, 22 марта 1942 года транслировалась композиция «Эгмонт» с текстом Гёте и музыкой Бетховена. В литературно-музыкальной композиции «Весна» (15 марта) звучала поэзия Фета, Тютчева, Майкова и музыка Чайковского, Иоганна Штрауса, Грига⁶⁹.

В марте в программу радиопередач начали включаться и программы для детей. Это были сказки («Красная шапочка», «Золушка», «Снегурочка» и др.), басни Крылова, стихотворения, рассказы о животных. Приведем в качестве примера программу Смоленского радиоузла на неделю с 1 по 8 марта 1942 года:

1 марта. Воскресенье.

17.30. Детская передача. Сказка «Красная шапочка».

19.25. Литературно-музыкальная композиция «Князь Игорь».

2 марта. Понедельник.

19.35. Литературная передача. Отрывки из повести И.С. Тургенева «Ася».

3 марта. Вторник.

19.35. Передача из цикла «Русский фольклор». Сказки Афанасьева «Неумойка», «Охотник и его жена».

4 марта. Среда.

19.35. Вечер вальса.

5 марта. Четверг.

19.35. Политико-публицистическая передача.

6 марта. Пятница.

19.35. Концерт и произведений С.В. Рахманинова⁷⁰.

7 марта. Суббота.

⁶⁸ Михайлов Олег. Музыка, литература, театр // Новый путь. 1942. № 27. 9 апреля.

⁶⁹ Жуковский. Мартовские радиопередачи // Новый путь. 1942. № 16. 1 марта.

⁷⁰ Примечательно, что музыка Рахманинова в странах, находившихся под протекторатом III рейха, была запрещена, поскольку композитор публично поддерживал СССР и делал щедрые пожертвования на медицинские нужды Красной армии.

19.35. Вечер легкой музыки. Выступление ансамбля гитаристов. Цыганские романсы.

8 марта. Воскресенье.

17.30. Детская передача. Стихи «Про ёжика».

19.35. Литературно-музыкальная композиция «Руслан и Людмила»⁷¹.

Артистка М.А. Луговая на смоленском радиоузле («Новый путь». 1942. № 55. 16 июля)

Пасху 1942 года Смоленский радиоузел отметил трансляцией на Смоленск, Оршу, Могилев, Витебск и Гомель пасхального концерта с церковными песнопениями⁷². Скорее всего, использовались пластинки, выпущенные по заказу «Винеты»: так называлось структурное подразделение Восточного отдела Рейхсминистерства народного просвещения и пропаганды III рейха⁷³.

В силу отсутствия в разрушенном городе концертного зала, концерты вне радио проводились довольно редко. Один из них состоялся 6 апреля 1942 года в зале Смоленской городской управы и был посвящен Пасхе. Перед слушателями, переполнившими зал, выступили драматическая артистка В.В. Либеровская, исполнительница

⁷¹ Программа передач Смоленского радиоузла с 1 по 8 марта 1942 года // Новый путь. 1942. № 16. 1 марта.

⁷² Вниманию радиослушателей // Новый путь. 1942. № 26. 5 апреля.

⁷³ «Винета» занималась выпуском печатной продукции, а также грампластинки для оккупированных или прифронтовых территорий. В зоне ее ответственности находились также театральные труппы. Организация состояла из нескольких национальных секций, самой многочисленной из которых (около 800 человек) была русская секция. Ее начальником был старый русский эмигрант А.П. Альбов. О некоторых выпущенных «Винетой» пластинках на русском языке, которые использовались в пропагандистских целях, см. в статье: Зверева С.Г. Русская духовная музыка за пределами СССР в 1940-е годы: контуры истории // Русское зарубежье: музыка и православие / Сост. С.Г. Зверева, науч. ред. С.Г. Зверева, М.А. Васильева. М.: Русский путь, 2013. С. 298–300.

цыганских романсов Н.Н. Ермолова, пианист А.Н. Никонов. Выступил и известный в Смоленске оркестр народных инструментов под управлением К.Я. Данилова.

Выступление оркестра народных инструментов под управлением К.Я. Данилова. 6 апреля 1942 года («Новый путь». 1942. № 28. 12 апреля)

О последнем коллективе необходимо сказать особо, поскольку он явился первым созданным в годы оккупации Смоленска «предприятием искусства». Причиной известности оркестра стал не только энтузиазм его руководителя, опытного музыканта Константина Яковлевича Данилова, который стал заниматься с народными оркестрами в 1914 году, но и любовь немцев к русской народной музыке. Корреспондент «Нового пути» писал:

Молодой оркестр популярен — он желанный участник городских концертов, его тепло встречают немецкие солдаты в воинских частях. И совершенно трогательно бывает, когда они начинают тихонько подпевать оркестру, исполняющему старинную русскую песню о донском казаке. И тогда ширится песня в этом дуэте германских солдат и русских домристов, звучит могучей думой о великой матушке-Волге и буйном Степане⁷⁴.

Концерт для немецких солдат в Смоленске на улице Ильинская (в советское время — улица Октябрьской революции) рядом с городским парком «Блонье» (URL: <http://waralbum.ru/247615/>)

⁷⁴ Дружбин. Жизнь оркестра // Новый путь. 1941 № 18. 14 декабря.

Можно было бы счесть эти строки пропагандистским трюком. Однако о любви немцев к русской народной песне свидетельствует не только эта статья. Так, жившая в годы оккупации в Смоленске Г.Н. Клемент (урожд. Никифоровская) рассказала нам, что в их квартире стоял на постое немецкий солдат. Однажды он начал самозабвенно распевать «Песню о Стеньке Разине». Когда же дошел до слов «Волга-Волга, мать родная», сестра хозяйки квартиры заявила солдату: «Никакая Волга не твоя мать и ею не будет». Солдат начал спорить, что обязательно будет. К счастью, спор окончился вполне миролюбиво. Возможно, солдат присутствовал на концерте оркестра Данилова, где и «заразился» этой песней.

Немецкий солдат возле памятника М.И. Глинки в Смоленске в парке «Блонье» (URL: <http://humus.livejournal.com/2364132.html>)

К концу 1941 года в смоленском оркестре народных инструментов играли девятнадцать музыкантов. Лишь шестеро из них являлись профессионалами, остальные — либо музыкантами-любителями, либо вовсе не умели прежде играть и были обучены дирижером. Играли в оркестре и отличные солисты — балалаечник Цевловский (в газете фамилия записана как Целовский) и домрист Никитин.

В мае 1942 года, когда управа открыла двери перед публикой, в ее зале на концерте народной музыки играл уже не только оркестр под управлением К.Я. Данилова, но и духовой оркестр под управлением Лутошкина. Выступали также бас-солист [С.М.?] Степанов и танцор

Миклашевич, исполнявший русские пляски⁷⁵. Концертная жизнь в последующие месяцы явно шла *crescendo*.

Объявление в газете «Новый путь» (1943. № 65. 19 августа)

Как полагает Б.А. Равдин, культурные мероприятия должны были умиротворять население, демонстрировать ему «устойчивость нового миропорядка»⁷⁶. Особенно явственно рост культурных организаций обозначился в 1942 году, что было связано

не только с захлебнувшимся наступлением германской армии и утраченной надеждой на скорое окончание войны, но и с контрпропагандной кампанией в канун XXV годовщины Октябрьской революции. К этому юбилею тщательно готовились по обе стороны фронта. Не случайно именно с конца лета — начала осени 1942 года во внутренних областях России происходили заметные изменения оккупационной политики в области культуры, школы, книгоиздательства и введена была «экскурсионная программа» для рабочих, крестьян, учителей, женщин — пропагандистские поездки в Германию (отчасти в связи с планом остарбайтерства)⁷⁷.

⁷⁵ Ставропольцев Ф. Концерт в Смоленске // Новый путь. 1942. № 39. 21 мая.
⁷⁶ Равдин Б.А. На подмостках войны. С. 9.
⁷⁷ Там же. С. 12.

Смоленск и Орел, по мнению Равдина, являлись своего рода опытными площадками, на которых «культурный поход» начался еще до осени 1942 года.

Так, в июне 1942 года было образовано «Бюро организации концертов в Смоленске» (БОКС), в задачи которого входило «содействовать возрождающейся культурной деятельности в Смоленске и его округе путем широкой подготовки концертных выступлений»⁷⁸. Первый концерт новой организации состоялся 12 июня в зале городской управы и был посвящен оркестровой и сольной музыке. В нем приняли участие эстрадный коллектив под управлением Г. Гаро, оркестр народных инструментов под управлением К.Я. Данилова, а также артисты радиокомитета: пианистка С.М. Ермолова⁷⁹, драматические актрисы В.В. Либеровская и М.А. Луговая, певцы В.П. Сомов (тенор) и Степанов (бас), а также балерина Кубицкая. «Хороший, полноценный, серьезный концерт», — писала местная газета⁸⁰. Сообщение еще об одном концерте БОКСа помещено также в более позднем выпуске газеты «Новый путь»⁸¹.

23 июня 1942 года в «Новом пути» появилась информация о группе музыкантов под управлением А.А. Розанельского, которая была образована при смоленской музыкальной студии⁸². В июне 1942 года группа дала свои первые шесть концертов для гражданского населения города, которые состоялись в переполненном слушателями зале Биржи труда. Концерты для взрослых посвящались русской народной песне, Шуману и Чайковскому, ариям из русских опер, неаполитанским песням. Два концерта предназначались детям. Газета писала:

Население Смоленска чувствует большую потребность в классической музыке. Удовлетворить эту потребность ставит себе целью серия концертов, задуманная господином Розанельским. Сейчас ансамбль Розанельского ведет большую работу по подготовке своих дальнейших выступлений перед смоленской публикой. В его распоряжении уже имеется тринадцать готовых программ из произведений русских и иностранных композиторов⁸³.

⁷⁸ Б.О.К.С. в Смоленске // Новый путь. 1942. № 45. 11 июня.
⁷⁹ Б.В. Базилевский в своем упомянутом выше тексте об оккупированном Смоленске пишет о выступавшей на эстраде и по радио пианистке Ермоловой (наст. Виноградова) следующее: «...Говорили, что она была спущена, как парашютистка, имела контакт с партизанами, была дважды арестована и после второго ареста расстреляна. Насколько эти сведения верны — сказать затрудняюсь» (Базилевский Б.В. Общая картина жизни в Смоленске во время немецкой оккупации // Смена. 1994. № 26. 2 июля).
⁸⁰ С.Ш. Большой концерт // Новый путь. 1942. № 46. 14 июня.
⁸¹ Новый концерт // Новый путь. 1942. № 55. 16 июля.
⁸² Музыкальная студия располагалась по адресу: Крепостная улица, дом 5.
⁸³ Н.С. Концерты классической музыки // Новый путь. 1942. № 57. 23 июля.

Занятия в упомянутой смоленской музыкальной студии начались 2 марта 1942 года. В мае 1942 года в ней обучалось 94 ученика. Большая их часть (57 человек) училась играть на фортепиано, имелись также классы сольного пения (11 человек), народных инструментов (10 человек), гитары (4 человека) и баяна (12 человек). Занятия по специальности проводились два раза в неделю⁸⁴. К концу июня 1942 года количество учеников в студии увеличилось до 116. Предполагалось открытие класса скрипки (под руководством П.И. Ивановича), хореографического класса и детского хора (под руководством артиста Жадана)⁸⁵. Последняя публикация, посвященная студии, которая уже именовалась музыкальной школой, вышла в городской газете 22 июля 1943 года. В статье говорилось об успешном отчетном концерте школы, в которой в то время уже было 186 детей и 12 преподавателей⁸⁶.

Из заметки следует, что лучшие ученики должны были принимать участие в передачах радиоузла. Туда же приглашались и дети из обычных школ. Так, упомянутая выше Г.К. Клемент рассказывала, что лучшие участники ее школьного хора⁸⁷ (около десяти человек) были приглашены на радиоузел для записи. Дети читали стихи, пели хором «Был у Христа младенца сад» Чайковского⁸⁸. Сама Г.К. Клемент прочла стихотворение Тютчева.

23 августа 1942 года в здании бывшего детского кинотеатра (Крепостная ул., дом 5) был открыт Народный театр⁸⁹.

Здание на Крепостной улице (в советское и в настоящее время — Красногвардейская), где в августе 1942 года был открыт Народный театр. («Новый путь». № 73. 17 сентября)

⁸⁴ А.Р. В Смоленской музыкальной студии // Новый путь. 1942. № 34. 3 мая.
⁸⁵ А.Р. В музыкальной студии // Новый путь. 1942. № 58. 26 июля.
⁸⁶ Наша гордость // Новый путь. 1943. № 57. 22 июля.
⁸⁷ Г.К. Клемент училась в Народной школе № 1 имени Глинки, которая открылась в сентябре 1943 года в здании бывшего техникума связи.
⁸⁸ Интервью с Г.К. Клемент [урожд. Никифоровской, 1931 года рождения] записано нами 25 марта 2015 года в Смоленске.
⁸⁹ В том же здании, как пишет «Новый путь», с июля 1942 года располагалась и музыкальная студия, а с 6 декабря 1942 года там стало демонстрироваться также кино. При освобождении Смоленска дом был поврежден и затем снесен. Г.Н. Клемент уточняет, что кинотеатр в годы войны располагался в соседнем доме, где в настоящее время находится кинотеатр «Смена».

В нем по средам проходили концерты, по субботам — кабаре (водевили, скетчи, танцы, акробатические номера и др.), а по воскресеньям — драматические спектакли. В программах участвовал салонный оркестр и певцы-солисты. Газета «Новый путь» сообщала:

Во многих городах, освобожденных от большевистского ига: в Одессе, Киеве, Днепрпетровске, Орле — уже давно работают театры. Открытие театра в Смоленске — городе, наиболее пострадавшем от рук большевиков — представляло большие трудности. Не было подходящего помещения, артистического реквизита, костюмов. Но Германское командование всецело пошло навстречу желанию смолян иметь свой театр, и все эти трудности были преодолены⁹⁰.

С открытием театра смоляне обрели хотя и маленькую по размерам, но стабильно доступную концертную площадку, рассчитанную на исполнение камерной музыки. В одном из таких концертов, посвященном народной песне и назначенном на 27 сентября 1942 года, были объявлены выступления П.И. Климовского (баритон), А.А. Розанельского (тенор), О.Я. Ковалевой (меццо-сопрано), Е.А. Ясевич (лирическое сопрано), С.Ф. Клышейко (лирическое сопрано), А.С. Обловацкого (балалайка) и А.В. Пирожкова (рояль)⁹¹. Нужно также добавить, что из-за комендантского часа концерты проводились днем.

Новая концертная площадка стимулировала артистов. 21 октября 1942 года в Смоленском народном театре состоялся концерт, полностью посвященный сочинениям Чайковского и устроенный, по всей видимости, по случаю годовщины его смерти. Романсы композитора прозвучали в исполнении молодой певицы Е.А. Ясевич, сочинение «Думка» было исполнено пианисткой С.М. Ермоловой, переложенный

⁹⁰ Открытие народного театра в Смоленске // Новый путь. 1942. № 65. 20 августа. В следующем номере газеты было размещено объявление о покупке администрацией театра костюмов, париков, реквизита и других театральных принадлежностей (№ 66. 23 августа). Помогала театру в имущественных вопросах и управа, на «балансе» которой находилось это учреждение. Так, 15 июля 1943 года театру был перечислен ряд предметов на сумму 2455 рублей, в число которых входили: занавески, простыни, пудра, браслет, сапоги, сатиновые трусики, безопасная бритва, тетради, немецко-русский словарь и др. (Договора, акты на изъятие имущества и на получение мебели в арендное пользование за июнь 1943 г. // ГАСО. Ф. 2572. № 293. Л. 126–128). Весной 1943 года в Смоленске организовывалось общежитие для артистов на 20 мест, располагавшееся на Монастырской улице, дом 176, для которого управой была выдана мебель. (Договоры, акты на получение мебели в арендное пользование. 23 марта 1942 — февраль 1943 // ГАСО. Ф. 2573. № 188. Л. 526–543).

⁹¹ А.В. Пирожков являлся первым заведующим музыкальной студией, инспектором — А.А. Розанельский.

для кларнета соло и оркестра «Романс» сыграл артист оркестра Горшков. Но наибольшего успеха у публики удостоилась интермедия из оперы «Пиковая дама», в исполнении которой приняли участие солисты, хор под управлением С.М. Степанова и городской оркестр под управлением П.В. Вдовенко. Примечательно, что в посвященной этому концерту статье «Нового пути» и оркестр, и хор упомянуты как коллективы, входившие в состав Смоленского народного театра⁹².

Концертная жизнь набирала обороты, загорались в ней и яркие звезды. Самыми похвальными эпитетами авторы статей в «Новом пути» награждали двух исполнителей высокого класса: пианиста В.В. Топилина и тенора В.П. Мирскова, которые активно концертировали не только на Смоленщине, но и выезжали в Германию. Концерт музыкантов в зале Смоленской управы из сочинений Рахманинова, Чайковского и других композиторов был назван самым лучшим концертом в Смоленске «по серьезности программы и по исполнительскому мастерству»⁹³.

На концерте
в Смоленском театре
(«Новый путь»). 1943.
№ 55. 17 июля

Пожинал лавры и хор Народного театра под управлением В.М. Степанова, 12 августа 1943 года удостоившийся в «Новом пути» статьи по случаю годовщины основания. Первоначально состоявший из семи человек, через год он уже включал двадцать три человека,

⁹² Жуковский. Концерт из произведений П.И. Чайковского // Новый путь. 1942. № 84. 25 октября.

⁹³ Концерт В.В. Топилина и В.П. Мирскова // Новый путь. 1943. № 47. 17 июня.

отличавшихся очень хорошими голосами. В программу юбилейного концерта вошла музыка из опер, отдельные сочинения композиторов-классиков и народные песни⁹⁴.

Кажется, театральные спектакли, концерты, развлекательные представления пользовались успехом у жителей Смоленска. Во всяком случае, когда в июле 1943 года в Краснинском районе партизанами была уничтожена концертная бригада под управлением Георгия Гаро, провожать погибших артистов в последний путь вышло множество смолян⁹⁵. Четверо артистов были похоронены на католическом кладбище Смоленска близ костела. В настоящее время на этом месте кладбища построен жилой дом.

***

Интересно сравнить музыкальную жизнь Смоленска «под немцами» с той, что была в городе непосредственно перед их приходом. Информацию находим в местной газете «Рабочий путь», выпускавшейся в советское время. Судя по этому источнику, культурная жизнь смолян не отличалась большим разнообразием. Досуг горожан скрашивали два кинотеатра — «Октябрь» и «Палас», а также Областной театр драмы. В городе имелись музыкальная школа и Областная государственная филармония, к которой относился Ансамбль русской народной песни и пляски, время от времени дававший концерты в городе и области. Репертуар его составляли песни, исполнявшиеся известным московским Ансамблем народной песни им. М. Пятницкого, Краснознаменным ансамблем песни и пляски под управлением А. Александрова и другими образцовыми столичными коллективами. В репертуар смоленского ансамбля входили «Гимн партии большевиков», «Казачья-кавалерийская», «Дороженька», «И кто его знает», «Украинские шедринки», шуточные русские народные песни и др. В концертах принимали участие конферансье; ставились литературно-музыкальные монтажи (например, «Гибель Чапаева»). Особым успехом пользовалась танцевальная группа ансамбля⁹⁶.

В Смоленске и области иногда давали концерты заведующий учебной частью местной музыкальной школы Ольховский⁹⁷, участники оркестра при драматическом театре В. Апель (Аппель) и В. Алабин,

⁹⁴ Александров. Вечер русской песни [Годовщина хора Смоленского народного театра] // Новый путь. 1943. № 63. 12 августа.

⁹⁵ Факт сообщен Г.К. Клемент.

⁹⁶ Козлов С., сержант. Концерт у земляков // Рабочий путь. 1941. № 27. 2 февраля.

⁹⁷ Упомянут смоленский музыкант Ю.И. Ольховский, который работал в Смоленске еще до революции, руководил хором в реальном училище.

а также артисты Смоленской областной филармонии. В феврале 1941 года по случаю XXIII годовщины Красной армии они проводили «месячник культурного обслуживания» в частях⁹⁸.

Большое оживление вызывали приезды гастролеров. Так, 19 января того же года в городе дал один концерт Краснознаменный ансамбль песни и пляски Западного особого военного округа под управлением Александра Усачева⁹⁹. В феврале область посетила маленькая «бригада» ленинградских артистов, в программе выступления которых было художественное чтение, сатира, юмор, балет, старинные народные и современные джазовые песни. Корреспондент «Рабочего пути» писал:

В Кармановском районном клубе состоялись три концерта бригады ленинградских артистов. <...> Концерты прошли с большим успехом при большом стечении зрителей: присутствовало 1500 жителей поселка и колхозников ближайших колхозов. С большим мастерством артистка Евгения Терентьевна Солнцева исполнила русские народные песни «Не брани меня, родная», «Мишенька под вишенкой», «Меж крутых бережков» и другие. Артистка балета Анна Ивановна Зарубина исполнила танец умирающего лебедя из балета «Лебединое озеро» и вальс из балета «Спящая красавица». Молодая артистка Зинаида Сергеевна Константинова хорошо прочитала отрывок из сценария кинокартины «Аринка» и стихотворения «Миша Корольков», «Пионер и петух». К другим удачным номерам следует отнести рассказы в исполнении артиста А.К. Брянцева. Концерт оставил хорошее впечатление. Смоленской областной государственной филармонии следует почаще устраивать такие концерты в глубинных районах¹⁰⁰.

Собирался в области и фольклор. О том, под каким «углом» выбирался материал для записи, можно судить по нижеследующей заметке учителя Ф.А. Александрова:

За 1940 год мною лично и с помощью учащихся нашей школы собрано было свыше 800 частушек, около 30 сказок, несколько десятков загадок, песен, пословиц и поговорок, рассказов и воспоминаний о прошлом, о гражданской и империалистической войнах, воспоминания о Ленине и Сталине. А ведь это — небольшая доля того фольклорного богатства, которое бытует среди трудящихся нашей области. Невольно приходит мысль: а сколько интересного и ценного материала можно было бы

⁹⁸ Кролик И. Работники искусств — Красной Армии // Рабочий путь. 1941. № 32. 8 февраля.

⁹⁹ Рабочий путь. 1941. № 17. 21 января.

¹⁰⁰ Концерт ленинградских артистов // Рабочий путь. 1941. № 33. 9 февраля.

собрать при желании. Взять, к примеру, запись рассказов-воспоминаний. У нас есть места, имеющие особое историческое значение. В конце августа 1921 года в бельских лесах отдыхал В.И. Ленин. В деревне Нестерово Ильич беседовал с одной крестьянкой, брал на руки ее дочь Шуру, ныне работающую народной учительницей. Почему бы этой учительнице не записать от своей матери воспоминания о беседе с Ильичем и не провести с учащимися запись воспоминаний крестьян, встречавшихся с Лениным. Ребята смоленских школ могли бы от очевидцев записать рассказы о товарище Сталине. <...> А сколько можно было бы записать от стариков интересных рассказов-воспоминаний о жизни народа до революции, о принудительном труде на помещиков и капиталистов, о штрафах, побоях и издевательствах, о расправах, учинявшихся над рабочими и крестьянами. В каждом районе можно найти талантливых сказочников, песенников, частушечников и т.п., которые могли бы сообщить много материала ценного и полезного¹⁰¹.

После захвата Смоленска немецкими войсками репертуар художественных коллективов, а также подбор публикуемых в газетах материалов кардинально изменились, как изменилась и идеологическая направленность. Отныне она определялась политикой новых властей, направленной на «очищение» русской культуры от коммунизма, большевизма, иудаизма и космополитизма. В силу этого, как пишет Б.Н. Ковалев, публикация, к примеру, произведений русских классиков — Пушкина, Лермонтова, Достоевского — сопровождалась комментариями, которые

обращали внимание читателей на такие аспекты их творчества, которые при советской власти замалчивались или принижались: религиозность, великорусский патриотизм, национализм¹⁰².

Сравнивая газеты «Рабочий путь» и «Новый путь», нетрудно заметить, что по подбору тем в разделе культуры и литературы последняя явно перекликалась с дореволюционными газетами. Можно говорить и об определенном сходстве дискурса статей о культуре и религии в коллаборационистской газете с аналогичными в русской эмигрантской прессе. Особенно явственно оно бросается в глаза в тех случаях, когда коллаборационистская газета публикует статьи, посвященные

¹⁰¹ Александров Ф.А., учитель, собиратель народного творчества. Собирайте фольклор // Рабочий путь. 1941. № 8. 10 января.

¹⁰² Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм... С. 339.

русским композиторам-эмигрантам или Русской Православной Церкви Заграницей¹⁰³.

Значительное место в «Новом пути» отводилось и церковным темам, которые если и поднимались в довоенном «Рабочем пути», то исключительно с негативным оттенком. То же самое можно сказать и о радио.

В оккупированном Смоленске с 4 октября 1942 года утром по воскресеньям начали звучать церковные радиопередачи, авторами которых были местные ученые и писатели. В начале 1943 года они объединились в Смоленский епархиальный комитет по религиозно-нравственному просвещению. Члены комитета писали статьи для газет, выступали с популярными лекциями после богослужений, выпустили (тиражом 15 тысяч экземпляров) «Краткий молитвенник», организовывали трансляции духовной музыки по радио и концерты на эстраде. Некоторые из них стали преподавателями открывшихся 7 июня 1943 года в Смоленске трехмесячных пастырских курсов для подготовки священно- и церковнослужителей из мирян. На курсы также поступало духовенство, которое хотело «обновить» свои знания. Преподавались предметы: священная история Ветхого и Нового Завета (настоятель Успенского кафедрального собора протоиерей Н. Шиловский), церковно-богослужебный язык (профессор Д.И. Абрамович), церковное пение (протоиерей Евгений Лызлов),

¹⁰³ Вегенов В. Русские композиторы за рубежом // Новый путь. 1942. № 96. 6 декабря; № 97. 10 декабря; Маринский А.Н., профессор. Русская православная церковь заграницей // 1943. № 22. 18 марта. В последней публикации автор даже приводит фрагмент речи митрополита Берлинского и Германского Серафима (Ляде) на возведение в сан епископа Потсдамского Филиппа (Гарднера) — будущего известного историка русской церковной музыки.

Нужно добавить, что на содержание выходявших на Смоленщине газет и радиопередач в определенной мере влияли идеи эмигрантской антисоветской политической организации Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), представители которой действовали в Смоленске. (Некоторые из них работали в Городской управе и средствах массовой информации). Именно Смоленск рассматривался членами НТСНП как временная столица союза. Идеология организации опиралась на принципы христианского солидаризма, а главной ее целью было «возрождение Великой России». Союз пропагандировал создание «третьей силы», был запрещен гитлеровцами и действовал подпольно. Известно, что в первые годы войны ее члены репрессиям не подвергались; ликвидация активистов НТСНП началась в 1943 году, когда в ходе Великой Отечественной войны совершился коренной перелом. См.: Столыпин А.П. На службе России. Очерки по истории НТС. Франкфурт-на Майне: Б.д.; Байдалаков В.М. Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС. 1930–1960. М.: 2002; Рар Л.А., Оболенский В.А. Ранние годы. Очерк истории Национально-Трудового Союза [1924–1948]. М.: Посев, 2003; НТС: Мысль и дело. 1930–2000. М.: Посев, 2000; Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы. Историко-документальный сборник / Сост. К.М. Александров. СПб.: Скрипторий, 2011. <http://www.universalinternetlibrary.ru/book/26195/ogl.shtml> и др.

литургия и катехизис (протоиерей П. Беляев), история церкви (профессора Д.П. Сошальский¹⁰⁴ и Б.Г. Меньшагин), основное богословие (профессор А.Н. Мариинский¹⁰⁵), нравственное богословие (епископ Смоленский и Брянский Стефан (Севбо))¹⁰⁶. С октября по февраль 1943 года по радио было проведено девять передач: «Вера и знание», «До чего довело нас безбожье», «Религиозные мотивы в русской поэзии XVIII века» и др. «Новый путь» сообщал:

Радиослушатели с нетерпением ожидают каждый доклад, с омерзением вспоминая доклады коммунистов о религиозном дурмане¹⁰⁷.

***

Известно, что к 1939 году во всей России оставались действующими около 100 соборных и приходских православных храмов¹⁰⁸. О масштабах разрушений в советское время свидетельствует сравнение этой цифры с количеством церквей в 1914 году в Российской империи, где насчитывалось 67 108 церквей и часовен. Разрушение храмов шло рука об руку с физическим уничтожением духовенства и репрессиями в отношении церковных людей:

Из 146 тысяч священнослужителей и монашествующих, насчитывавшихся в России в 1917 году, к 1939 году было расстреляно 90 тысяч человек, десятки тысяч находилось в лагерях и ссылках¹⁰⁹.

¹⁰⁴ Сошальский Дмитрий Петрович — настоящая фамилия Кончаловский (1878–1952). Брат художника П.П. Кончаловского. В 1902 году окончил историко-филологический факультет Московского университета. До войны преподавал латинский и немецкий языки. При отступлении немецких войск выехал из Смоленска на запад. С 1947 года жил в Париже, где были опубликованы его книги «Пути России» (1969) и «От гуманизма к Христу» (1979). Там же вышел посвященный ему сборник «Духовный мир Д.П. Кончаловского» (1977). См. о нем подробней: URL: <http://sergey-verevkin.livejournal.com/290089.html>

¹⁰⁵ Настоящая фамилия А.Н. Мариинского — Колесников. До войны он преподавал литературу в московских вузах. В годы оккупации в Смоленске он некоторое время работал в Отделе пропаганды. Выступал как литератор, редактор и издатель религиозной литературы, в том числе Молитвенника и Церковного календаря.

¹⁰⁶ Пастырские курсы // Новый путь. 1943. № 46. 13 июня. Курсы просуществовали до самого освобождения Смоленска 25 сентября 1943 года.

¹⁰⁷ Смоленский. Религиозные доклады по радио // Новый путь. 1942. № 89. 12 ноября.

¹⁰⁸ Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008. С. 289.

¹⁰⁹ Митрофанов Георгий, протоиерей. История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб.: Сатис, 2002. С. 371. Цит. по: Иеромонах Серафим (В.Л. Амельченков). Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. С. 62.

О том, что восстановление церквей в годы оккупации шло семимильными шагами, опять же, говорят цифры:

...На занятой немецкими войсками территории СССР открылось около 9400 храмов. Кроме того, было воссоздано почти 60 монастырей — 45 на Украине, 6 в Белоруссии и 6–7 в РСФСР¹¹⁰.

В современной литературе к религиозному возрождению на оккупированных территориях иногда применяется определение «второе крещение Руси». Можно привести ряд свидетельств, которые оставили люди, причастные к церковной жизни. Так, в начале 1944 года, когда Гдов был освобожден советской армией, служивший там регентом-псаломщиком С.Д. Плескач¹¹¹ сделал митрополиту Ленинградскому и Новгородскому Алексию (Симанскому) подробный доклад. В нем он рассказал о том, чему был свидетелем в течение двух с половиной лет жизни «под немцами». Приводим краткий фрагмент:

В бытность мою в городе Гдове в качестве регента и псаломщика, мне пришлось пережить всевозможное течение народа. Могу сообщить, что русский человек совершенно изменился, как только появились немцы. Разрушенные храмы воздвигались, церковную утварь делали, облачения доставляли оттуда, где сохранились, и много строили и ремонтировали храмы. Всюду красилось. Крестьянки вешали чистые, вышитые самими полотенца на иконы. Появилась одна радость и утешение. Когда всё было готово, тогда приглашали священника и освящался храм. В это время были такие радостные события, что я не умею описать. Прощали обиды друг другу. Крестили детей. Зазывали в гости. Был настоящий праздник, а праздновали русские крестьяне, и я чувствовал, что здесь люди искали утешение¹¹².

Тот же регент-псаломщик С.Д. Плескач во время войны написал трехголосную литургию, которую вместе с иереем и протодьяконом

¹¹⁰ Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов 1935–1945 годов. (Сборник документов). М.: 2003. С. 28.

¹¹¹ По некоторым С.Д. Плескач до войны служил регентом-псаломщиком Николо-Богоявленского Морского собора в Ленинграде. См. о нем: Плескач Сергей Дмитриевич // Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. URL: http://www.pstbi.ccas.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?NYZ9EJxGHoxlTcGZeU-yPrVY9XYs**_pnl

¹¹² Галкин А.К., Бовкало А.А. Церковная жизнь Гдова в дни оккупации (1941–1943 гг.) // URL: <http://all-gdov.ru/musey/sergovnaya-zhizn-gdova-v-dni-okkupacii-1941-1943-gg/>

исполнял во время богослужений в Свято-Афанасиевской церкви Гдова, а также во время «выездных» богослужений в деревнях. Принимавший участие в пении протодьякон Ф.И. Юдин имел профессиональное музыкальное образование. До войны он служил в храмах Петергофа.

Интенсивное церковное движение началось после прихода немцев и на Смоленщине, где к началу войны действовало лишь три храма. За годы оккупации там были возобновлены 64 церкви, пять из них — в самом Смоленске¹¹³. Схожая ситуация была и на Псковщине, где епископская кафедра была упразднена в 1940 году, и к 1941 году осталось пять действующих церквей. Во время оккупации в 1941 году в Пскове и области было открыто 216 церквей¹¹⁴. В первый же год оккупации в Минской епархии, где в результате жесткой атеистической политики не осталось ни одной церкви, было открыто около 120 церквей¹¹⁵.

Не нужно, однако, забывать, что история знает множество примеров уничтожения оккупантами церковных зданий, в том числе выдающихся памятников архитектуры, которые разрушались во время боев, бомбардировок, взрывались при отступлении. В той же Белоруссии карателями была сожжена 21 церковь, некоторые из них — вместе с местными жителями, которые подозревались в поддержке партизан. Длинный список разрушенных и ограбленных храмов имеется и по Смоленской области. Исследователь истории церкви на Смоленщине иеромонах Серафим (Амельченков), опираясь на архивные документы, пишет о том, что в Дорогобужском районе был полностью разрушен Свято-Троицкий Болдин монастырь XVI века, Вязьме — 60–70% всех церквей города и т. д. Автор также приводит длинный перечень ограбленных храмов¹¹⁶.

Исследования опровергают сложившееся в советской историографии мнение, что нацистский режим финансировал православное церковное движение¹¹⁷. Начиная с октября 1941 года вышел ряд указов III рейха, ограничивающих деятельность русской церкви и запрещающих военнотружущим вермахта ее поддержку¹¹⁸. С первых же

¹¹³ Иеромонах Серафим (В.Л. Амельченков). Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. С. 64.

¹¹⁴ Русская Православная Церковь. XX век. С. 301.

¹¹⁵ Беларусь // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. URL: <http://www.pravenc.ru/text/77856.html>

¹¹⁶ Иеромонах Серафим (В.Л. Амельченков). Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. С. 91–94.

¹¹⁷ Подробно церковная политика III рейха на оккупированных территориях рассматривается в ряде работ, в том числе в указанной выше работе иеромонаха Серафима (В.Л. Амельченкова) Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. С. 66–83.

¹¹⁸ Русская Православная Церковь. XX век. С. 308, 310, 311.

месяцев войны в СССР планировалась замена христианства новым, «свободным от еврейского влияния учением о Боге»¹¹⁹. О том, какова была конечная цель, Шкаровский пишет:

В случае военной победы III рейха Русской Православной Церкви пришлось бы столкнуться с новым — третьим этапом нацистской церковной политики. <...> Разрабатывались планы постепенной ликвидации этой Церкви и создания новой псевдорелигии на занятых восточных территориях.

Как полагает М.В. Шкаровский, стремясь использовать церковь в своих интересах и предоставив ей некоторую свободу, немецкие ведомства вели сложную и противоречивую игру, не предугадав, в какие формы выльется «оттепель».

В целом в период военных действий на восточном фронте отношение немецких властей к церкви как институту оценивается исследователями как лояльно-нейтральное¹²⁰. Это объяснялось не только политическими и пропагандистскими целями, но и борьбой с «общим врагом» — «фетишизированным иудо-большевиками» материализмом¹²¹.

На Смоленщине немецкие военные власти были настроены к церкви достаточно лояльно¹²². При этом вопросы религии не входили в зону ответственности местной управы — их «курировало» военное командование. Причины лояльного отношения объясняет исследователь А.А. Корнилов:

<...> Территории СССР, оккупированные германскими войсками и входившие в прифронтовую полосу, управлялись военной администрацией, которая на практике часто смягчала принятый нацистскими ведомствами курс в отношении Русской Православной Церкви. Наиболее благоприятная

¹¹⁹ Директива Главного управления имперской безопасности Германии. Разрешение вопроса о церкви на оккупированных территориях // Русская Православная Церковь. XX век. М.: 2008. С. 310; Шкаровский М.В. Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви... С. 28.

¹²⁰ Одинцов М.И. Государственно-церковные отношения накануне и в годы Великой Отечественной войны // Религиозные организации Советского Союза в годы Великой Отечественной войны. Материалы «круглого стола», посвященные 50-летию Победы. 13 апреля 1995 г. М.: 1995. С. 23.

¹²¹ Против материализма // Новый путь. 1942. № 58. 26 июля.

¹²² Нужно, однако, сделать оговорку, что отношение к церкви со стороны СД, а также деятелей фашистской партии было резко негативным. Историк церкви М.В. Шкаровский приводит в своей книге воспоминание служившего в Смоленской епархии священника М. Одинцова: некий фашистский босс, посетивший смоленский кафедральный собор, оглядел иконы храма и резюмировал: «Все еврей!». Шкаровский М.В. Нацистская Германия и Православная Церковь. М., 2002. С. 407–408.

ситуация была в западных и северо-западных регионах Советского Союза, включавших в себя и Смоленскую область. На деле оккупационную администрацию здесь представляли военные. Данное обстоятельство не только позволило Церкви избежать излишней «опеки» со стороны немецких властей, но и открывало такие возможности, которых на территории рейхскомиссариатов («Остланд» и «Украина») у нее не было¹²³.

Когда в Смоленской области еще шли кровопролитные бои, но сам Смоленск уже находился под властью немцев, 10 августа 1941 года, в день празднования иконы Смоленской Божией Матери, был освящен кафедральный Свято-Успенский собор, после чего в храме была совершена первая после восемнадцатилетнего перерыва литургия.

Смоленский Успенский
кафедральный собор
в годы войны¹²⁴

¹²³ Корнилов А.А. Преобразование России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Нижний Новгород: ИФ ННГУ, 2000. С. 16–17.

¹²⁴ Фото предоставлено Л.Л. Степченковым.

На службе 15 августа 1941 года в соборе уже пел хор под управлением М.И. Андреева¹²⁵. Его предшественник, регент М.И. Лебедев (отец будущего известного хорового дирижера, профессора Московской консерватории К.М. Лебедева), был арестован в 1937 году¹²⁶.

В 1943 году в городе вспоминали 200-летний юбилей основания смоленского соборного хора, по случаю чего в газете «Новый путь» появилась следующая статья:

Когда двери величественного и славного своей многовековой историей Смоленского кафедрального собора впервые, после изгнания большевиков, открылись для верующих, группа певцов во главе с Михаилом Ивановичем Андреевым участвовала на первом богослужении в соборе, положив, таким образом, начало возрождению соборного хора. Это было 15 августа 1941 года. В лице церковных хоров православной церкви большевики видели опаснейшего для себя политического врага, и недаром они в первые же годы своей власти всеми способами старались разрушить величие церкви и именно, в первую очередь, [путем] ликвидации церковных хоров. Вначале певцам через профсоюзы внушали, что участие в церковном хоре — дело не советское, а позднее прямо сказали, что за пение в церкви лица подлежат исключению из профсоюза и даже хуже того. <...> Старшее поколение помнит, какие блестящие отзывы берлинской прессы мы читали на страницах газеты “Русское слово” в 1912 г., когда Московский Синодальный хор после освящения православного храма в г. Лейпциге в память победы русско-германских войск в 1813 г. над Наполеоном дал духовный концерт в Берлинской консерватории в присутствии императора Германии.

¹²⁵ Кручинин. К двухсотлетию смоленского соборного хора // Новый путь. 1943. № 62. 8 августа.

¹²⁶ Михаил Иванович Лебедев родился в 1880 году в селе Новосельское Енисейской губернии. Из воспоминаний его сына, К.М. Лебедева, известно, что М.И. Лебедев окончил Казанскую духовную семинарию, а затем Петербургскую духовную академию. Музыке обучался частным образом у скрипача В.Г. Вальтера в Петербурге. В 1910 году Лебедев поступил на службу в открытую в том же году в селе Соловьево Смоленской губернии женскую учительскую семинарию. В 1915 году он был переведен в Смоленск, где назначен регентом архиерейского хора. С 1919-го по 1921 год возглавлял Губернский отдел народного образования, преподавал музыку в смоленских учебных заведениях — в частности, в Смоленском педагогическом училище. [Тенета-Бартенева Л.Б. Лебедев Константин Михайлович. Очерк о жизненном и творческом пути выдающегося хорового дирижера и педагога. М.: 4-й филиал Воениздата, 2002]. 9 декабря 1937 года Лебедев был арестован и тройкой УНКВД Смоленской области осужден по статье 58-10 [пропаганда и агитация против советской власти, призыв к ее свержению]. Приговорен к 10 годам лишения свободы. [Электронная база данных «Жертвы политического террора в СССР». URL: <http://lists.memo.ru/index12.htm>]. Умер в Вятлаге в 1938 году.

Былое величие России и величие русского народа в прошлом напоминает нам своим пением смоленский соборный хор под управлением М.И. Андреева, исполняя произведения композиторов нашей Родины. Но понимаем эти дивные мелодии во всей их глубине только мы, старшее поколение, а молодое поколение, выросшее в эпоху, когда все русское национальное было под запретом, только теперь начинает их понимать.

Своим добровольным участием в хоре их руководитель и певцы сделали и продолжают делать большое национальное дело по возрождению нашей Родины. Много духовной радости они приносят истосковавшейся душе русского человека. Дивные звуки мелодий, которые мы слышим, воскрешают в нас веру в Новую Россию и надежду на лучшую жизнь, и эта жизнь, с помощью германского народа, наступит¹²⁷.

Очевидно, статья была написана человеком, который до революции был вовлечен в события церковно-певческого мира и помнил газетные репортажи о поездке Синодального хора на освящение церкви в Лейпциге в 1913 году (церковь была сооружена в память о Великой битве народов 1813 года). Во время этой поездки Синодальный хор под управлением Н.С. Голованова 19 (6) октября дал концерт в Королевской высшей школе музыки, на котором присутствовал кайзер Вильгельм с семьей. Богослужение, в котором принимал участие протоиерей Константин Розов, а затем концерт, произвели на кайзера неизгладимое впечатление. Очевидно, что целью автора статьи в «Новом пути», упоминавшего об этих событиях, было расположить немецкие власти к русскому хоровому церковному искусству.

Немецкие солдаты выходят из Успенского кафедрального собора, где в начале оккупации проводились также лютеранские богослужения. (URL: <http://humus.livejournal.com/2364132.html>)

¹²⁷ Кручинин. К двухсотлетию смоленского соборного хора // Новый путь. 1943. № 62. 8 августа.

Первое Рождество в оккупированном Смоленске по распоряжению новых властей отмечалось дважды: по старому и новому стилям, 25 декабря и 7 января. 1 января 1942 года был совершен новогодний молебен. 5 апреля в соборе праздновали Св. Пасху: в 5 утра началось чтение Апостола, через час последовала полунощница, в 7 утра — заутреня и крестный ход, в 9 утра — литургия, в 4 часа дня — вечерня¹²⁸.

(«Новый путь». 1943. № 65. 19 августа)

В церкви Нерукотворного образа Спаса на Окопном кладбище, начиная с Духова дня 1943 года, пел хор под управлением выпускника Московской консерватории Т.И. Григорьева. Дирижер набирал в хор окрестных детей и молодежь и обучал их пению. Нужно полагать, те шли в хор с большой охотой, тем более что пение в церкви давало надежду на отсрочку от принудительной отправки в Германию¹²⁹.

***

Важно затронуть еще один аспект культурной политики оккупантов, взявших на себя миссию «спасения» не только русской культуры, но и культурного наследия.

¹²⁸ Настоятель собора. Расписание богослужений в дни Рождества Христова и Нового года // Новый путь. 1941. № 21. 25 декабря.

¹²⁹ Папкова Н.Н. «Господь хранит пришельцев» (книга воспоминаний). Б. м., 2007. С. 88.

С первых же месяцев оккупации Смоленска новые власти начали проявлять и «заботу» об исторических архивах. В зоне особого внимания находились архивы ВКП(б), но не только; интерес представляли и архивы XVIII–XIX веков — материалы удельной конторы, ревизские сказки, метрические книги и др. 7 декабря 1941 года корреспондент «Нового пути» писал:

С возрождением культурной жизни города становится необходимостью сохранить этот исторический материал. Управление города с первых же дней приняло меры к сохранению архива. Еще 26 августа было издано специальное постановление. В настоящее время архивы приведены в надлежащий порядок и начали свою работу¹³⁰.

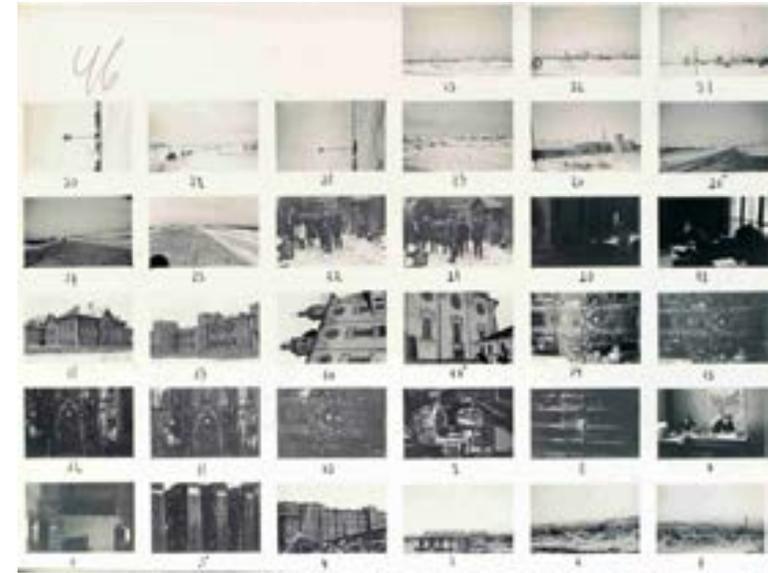
Смоленск, как и другие оккупированные населенные пункты, неоднократно посещали эксперты Оперативного штаба Розенберга, созданного с целью «мировоззренческой борьбы с противником» и занимавшегося конфискацией и вывозом с оккупированных территорий культурного и интеллектуального наследия¹³¹. Во многих населенных пунктах быстро и организованно действовали группы по отбору культурных ценностей. Особые Зондерштабы «курировали» частные направления — «Наука», «Музыка», «Музыковедение», «Фольклористика», «Изобразительное искусство», «Архивы», «Библиотеки», «Церкви», «Религиоведение», «Древняя история» и др. Местные отделения (Айнзатцштабы) Оперативного штаба находились в разных городах Европы, в том числе в Риге, Минске, Смоленске, Киеве, Харькове, Симферополе.

Как известно, масштабы утрат культурного наследия в СССР в годы войны были колоссальными¹³². Исследователь пишет:

¹³⁰ И.А.Л. Архивы города // Новый путь. 1941. № 16. 7 декабря.

¹³¹ См. издания по этой теме: Картотека Z Оперативного штаба «Рейхслайтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941–1942. М.: Изд-во МГУ, 1998; *Зинич М.С.* Деятельность Оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // Вопросы музеологии. 2011. № 1 [3]. С. 116–125; *Kennedy Grimsted P.* Reconstructing the Record of Nazi Cultural Plunder. A Survey of the Dispersed Archives of the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg (ERR). IISH Research Paper, 47. 2011. Оперативный штаб Розенберга был далеко не единственной организацией III рейха, осуществлявшие вывоз художественного и интеллектуального наследия с оккупированных территорий. См. в работе: *Кеннеди Гримстед П.* Дважды украденные и дважды спасенные. Идентификация русских «трофейных» архивов и нацистских учреждений, конфисковавших их // <http://libfl.ru/restitution/conf/grimsted.html>

¹³² См.: Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. М.: Министерство культуры Российской Федерации. Департамент по сохранению культурных ценностей, 1999–2011. Т. 1–18. Седьмой том этого издания посвящен Смоленской области.

Кадры из кинофильма, сделанного 2–3 декабря 1942 года во время посещения Смоленска рабочей группой штаба изобразительного искусства ведомства Оперативного штаба Розенберга. (ЦДАВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Л. 46). Подписи к фотографиям в документе: 1. Взгляд на электростанцию с севера; 2. Взгляд на церковь Петра и Павла с юга; 3. Мост через Днепр. 4. Бывший дом ГПУ; 5–7. В библиотеке Особого штаба Розенберга; 8–14. Иконостас в соборе; 15–16. Собор; 17–18. Хирургическая клиника; 19–20. Доктор Густав Мюке на рабочем месте. [Мюке возглавлял группу архивистов оперативного штаба Розенберга в Смоленске]; 21–22. Отъезд из Смоленска; 23–25. На шоссе Минск-Москва; 26–33. На шоссе.

В общей сложности 427 музеев (из них 173 в России), 1670 православных и 237 католических церквей, а также 532 синагоги были уничтожены или разграблены оккупантами. Только крупные библиотеки утратили свыше 100 млн. экземпляров книг. По оценкам архивистов, было уничтожено 44 897 архивных собраний. Это составляет 63% архивного фонда Российской Федерации. Лучшее из отобранного штабом в оккупированных странах предполагалось экспонировать в музее фюрера в Линце, который планировалось создать после окончания войны¹³³.

¹³³ Цит. по: *Кантор Ю.З.* Судьба художественных ценностей на оккупированной территории северо-запада России // Великая Отечественная война. 1942 год. Исследования. Документы. Комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы. 2012. URL: <http://www.istmira.com/istvtmir/velikaya-otechestvennaya-voyna1942-god/page/249/>

Катастрофа постигла также музеи, архивы и библиотеки Смоленщины¹³⁴. Осенью 1941 года в Смоленске начался разбор находившейся в подвалах Музея революции книжной коллекции. Целью этой работы должен был, якобы, стать Музей книги, где были бы сосредоточены библиотечные коллекции из разных городов Смоленской области¹³⁵. В марте 1942 года работа по созданию Музея-книгохранилища при Смоленском историческом музее на Соборном дворе шла полным ходом. В газетной заметке от марта 1942 года сообщалось, что на Соборный двор свозятся и распределяются по отделам книги из частично уцелевших библиотек смоленских педагогического и медицинского институтов, а также центральной библиотеки¹³⁶.

В ходе обследования известным специалистом по древнерусскому языку и литературе, профессором Смоленского педагогического института Д.И. Абрамовичем, были обнаружены редкие рукописи XV–XVII веков.

О профессоре Абрамовиче, весьма ценимом экспертами штаба Розенберга специалисте, необходимо сказать особо. До революции

¹³⁴ См.: Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Российская Федерация. Смоленский государственный музей-заповедник: В 3-х кн. / Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Т. 7. М.: 2005–2007.

¹³⁵ Музей книги // Новый путь. 1941. № 14. 30 ноября.

¹³⁶ Подготовка к открытию в Смоленске городской библиотеки // Новый путь. 1942. № 20. 15 марта. В недавнее время в журнале «Край Смоленский» был опубликован материал, посвященный состоянию Смоленской центральной библиотеки в 1920–30-е годы. (См.: Очерк истории центральной библиотеки г. Смоленска библиотекаря Валентины Шороховой // Край Смоленский. 2015. № 7. С. 41). Из него следует, что в 1940 году в библиотеке находилось 528000 изданий, в том числе и нотных. Из этого же документа становится известным, какие огромные потери понесло собрание в ходе «чисток» фондов, когда «идеологически вредная литература» из библиотеки изымалась и уничтожалась. К такой «вредной» литературе относились сочинения многих дореволюционных авторов, в том числе Тургенева, Достоевского и других. Автор пишет, что с 1922-го по 1927 год из книжного собрания библиотеки, насчитывавшего 25000 книг, было изъято 140492 книг. В последующие годы происходило интенсивное пополнение фондов, причем с 1936 года половина ежегодно поступающей в библиотеку литературы носила идеологический характер. В январе 1940 года 12000 ценных антикварных изданий были переданы в Москву в Историческую государственную библиотеку. Составленный В.Н. Шороховой документ был проанализирован представителем Оперативного штаба Розенберга доктором А. Рихелем. Пересылая его в руководство штаба и различные армейские группы, он писал: «Становится ясно, какая умно организованная и ясно продуманная система стоит за этой советской "библиотечной политикой". И то, что она нацелена на пропагандистский успех, тоже не подлежит сомнению. Не меньшими являются и научные успехи советской библиотечной системы, которая в крайне богатых и хорошо оснащенных библиотеках, какой является и Смоленская главная библиотека, помогает создавать потенциал советской интеллигенции, стоящий сегодня за общей советской силой сопротивления» (Там же. С. 39).

и в первые годы после нее ученый преподавал в Петербургской духовной академии, Петроградском университете, Археологическом институте; работал в Публичной библиотеке — в Рукописном и Богословском отделах. В числе его учеников был Д.С. Лихачев, на которого Д.И. Абрамович, как ученый, оказал сильное влияние. В 1927 году Абрамович был арестован и отбывал пятилетний срок в Соловецком лагере особого назначения (СЛОИ), где находились многие его коллеги и ученики, в частности, тот же Д.С. Лихачев, осужденный в 1928 году. После выхода из лагеря Абрамович не имел возможности устроиться в Ленинграде, и в 1939–41 годах преподавал в Смоленском педагогическом институте. Здесь его застигла война. Как уникальный специалист, он в первую очередь привлек к себе внимание охотившихся за архивными ценностями немцев.

В архиве Оперативного штаба Розенберга (доступ к документам этого учреждения был открыт для изучения лишь относительно недавно) сохранился отчет о посещении Смоленска в октябре 1942 года представителем Арбайтсгруппы II Зондерштаба «Музыка» доктором Вольфгангом Заксе. Из документа следует, что эксперт приехал с целью контроля за деятельностью местного Айнзатцштаба и выявления нот и книг о музыке для вывоза их в Германию. В Смоленске, где он провел неделю, Заксе встречался с представителями местной интеллигенции, расспрашивал о состоянии музыкальных ресурсов города. Им были проверены уже отобранные для отправки в Германию ноты и народные музыкальные инструменты. Приведем выписку из его рапорта:

21.10.42. Утром — осмотр Айнзатцштабом Смоленска нот и книг по музыке. Учебные материалы и развлекательная музыка классической и более современной эпох (отчасти копии немецкой музыки, например, Абта и т.д.) не представляют интереса для научного исследования Зондерштаба, поэтому материалы сразу же были предоставлены для использования Отделению пропаганды. Некоторые источники были предназначены в качестве образцов для просмотра Зондерштабом, включая музыку развлекательного характера, как, например, цыганские песни, а также песни Красной Армии. Было выбрано 120 книг по разделам: музыкальная теория, биографии, альманахи, музыкальная периодика, издания русской церковной музыки (XIX век). Имеют, например, значение песни ссыльных в Сибирь. Совместная работа с зондерфюрером Гизицки, который уже лично посмотрел ноты.

Во второй половине дня посещение русского художника профессора Мушкетова, который хорошо знает художественную жизнь Смоленска.

Информация о музыкальной обстановке в Смоленске и музыкальной политике Советов. Мушкетов назвал в качестве источника пианистку Коршенбойм-Тиханову¹³⁷. Информация о памятном месте Глинки находится во владении его двух племянниц.

22.10.42. Дальнейший просмотр музыкальных книг, которые находятся под опекой Айнзатцштаба. Отбор завершается. <...> Руководителю Айнзатцштаба была высказана просьба поскорее послать материал в Берлин в Зондерштаб «Музыка» (Reichsleitung Rosenberg, Amt Musik, Berlin, Oranienburger Str. 79). Осмотр собора. <...>

26.10.42. Посещение фрау Калитиной. Она указывает, что ценные музыкальные инструменты имелись в Тенишевском музее. Отдел пропаганды закрыл имущество стеной, чтобы предотвратить утрату. Оно состоит из цимбал, балалаек и др.

Визит к профессору Абрамовичу. Сортировка там некоторых книг и рукописей, например, богослужебных песнопений XVIII века. Все выбранные музыкальные материалы упакованы для Зондерштаба «Музыка». <...> Поскольку над Смоленском висит угроза бомбардировки, то считается очень важным послать инструменты в Берлин как можно скорее¹³⁸.

Информацию о вывозе книг и нот из Смоленска представителями Оперативного штаба Розенберга дополняют показания М.А. Пылева — советского военнопленного, который в январе 1943 года был освобожден из лагеря и работал в Смоленске. Он сообщал, что архивные документы и книги, свезенные из разных мест в смоленский кафедральный собор, в мае 1943 года разбирали около тридцати русских женщин под руководством Г.И. Червякова:

Отобранные книги по медицине, музыке и сельскому хозяйству, а также военной технике: уставы Красной Армии, упаковывались в ящики и по распоряжению штаба Розенберга направлялись в г. Рига. Так, например, в феврале 23 года в Ригу было отправлено 8 вагонов книг. С ними вместе были отправлены собранные партийные, комсомольские билеты и труд-книжки. В апреле месяце дополнительно в Ригу было отправлено два вагона книг и четыре вагона приготовлено к отправке.

Помимо книг и документов в апреле месяце приехавшими из Германии двумя немками отбирались ноты и отправлялись в Берлин.

Всю политическую литературу сжигали на месте. Кроме этого отделение штаба Розенберга проводит большую работу по вывозке в Германию ценностей Смоленского областного музея: картин, фарфора, комната Глинки и его рояль. Все это в 11-ти вагонах отправлено в г. Вильнюс¹³⁹.

Исследователь истории Музея «Русская старина» в Смоленске В.И. Склеенова, подробно изучавшая также и тему вывоза музейных ценностей из Смоленска немцами, предполагает, что ноты, которые были отобраны для посылки в Германию, могли происходить из богатейших библиотек В.Н. и М.К. Тенишевых и Е.К. Святополк-Четвертинской, находившихся в Смоленске. Она пишет, что музыкальные инструменты были вывезены в Берлин предположительно в конце 1942 года:

Среди похищенных музыкальных инструментов числятся: цитра-гусли, гусли «псалтирь», цимбалы, скрипка-альт работы кремонского мастера, 1667 год; мандолина, на кузове — ярлык с надписью: «Vencentius Vinocco filius Januari fecit Neapoli Alla Catalana¹⁴⁰. Н.Д. 1775»; гитара с надписью на деке: «Porlose Martinez in Malaga. Ano. 1817»¹⁴¹; восточные инструменты... Вывезены были и балалайки, изготовленные в талашкинских художественных мастерских и расписанные известными русскими художниками. Данные инструменты демонстрировали в 1900 году на Всемирной выставке в Париже, где вызвали всеобщее восхищение. <...> Официальная цифра потерь Смоленского музея — 32717 экспонатов. Из них выявлено (на 2012 год) — 2922 предмета из собрания М.К. Тенишевой <...>. Часть экспонатов, находившихся в Антирелигиозном, Историческом, Историко-революционном, районных музеях, не имели шифра, не прошли новый учет, их судьба пока не известна¹⁴².

Весной 1943 года началась отправка смоленских архивов. 12 апреля 1943 года в Вильнюс были отправлены три ящика документов из Архива Смоленского губернского правления (фонд № 2) и Архив немецкого церковного прихода, а также картотеки фондов № 1, 2 и 10; 13 апреля — вагон с документами Смоленского губернского правления и Канцелярии Смоленского губернатора (№ 1); 14 апреля — вагон

¹³⁷ Речь идет о смоленской пианистке и преподавателе фортепиано О.К. Коршенбойм-Тихоновой, работавшей в Смоленской музыкальной школе еще до войны. (Шимко С.Н. История музыкальной школы имени М.И. Глинки в г. Смоленске // URL: http://smol-dmsh1.ru/?page_id=7&page=2).

¹³⁸ Kurzer Bericht über die Tätigkeit der Arbeitsgruppe II des Sonderstabes Musik in Smolensk. 26 November 1942 // ЦДАВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 153. Л. 152.

¹³⁹ Справка. О положении и режиме в г. Смоленске. 21. VII. 43. г. // Цит. по.: Иванов М.В. «Но разведка доложила точно»: материалы к биографии Смоленского музея... С. 290–291.

¹⁴⁰ «Винченцо Виначча сын Дженоаро. Неаполь, в каталонском стиле. 1775 год от Рождества Христова» (лат.).

¹⁴¹ По всей видимости, первое слово в этой фразе в оригинале было не «Porlose», а «Por José». Таким образом, фраза должна переводиться так: «[Сделано] Хосе Мартинасом в Малаге. 1817 год» (исп.). Такой гитарный мастер, действительно, работал в этом испанском городе около 1830 года.

¹⁴² Склеенова В.И. История музея «Русская старина». Смоленск: Свиток, 2012. С. 88.

с архивом Канцелярии Смоленского губернатора, архивом Смоленской казенной палаты (фонд № 10) и церковные книги; 15 апреля — вагон с архивом Смоленского казенной палаты, немецкими, католическими и иудейскими церковными книгами. В том же вагоне следовали и два ящика, в которых находились ценные рукописные книги, отобранные профессором Абрамовичем, а также музейные экспонаты. 16 и 30 апреля были отправлены вагоны с остатками архива Смоленской казенной палаты; 30 апреля вывозились также оставшиеся материалы партийного архива и экземпляры его каталога, хранившиеся в Авраамиевом монастыре. Итого в апреле из Смоленска было отправлено шесть вагонов. Автор доклада в Оперативный штаб И.А. Немцов подчеркивал, что наиболее ценную часть из всего, что было послано, составляли два ящика с рукописями¹⁴³. Вывезен был в Вильнюс и рояль, принадлежавший М.И. Глинке.

В 1945 году скопления документов и музейных экспонатов смоленского архива были обнаружены в имении немецкого генерала барона фон Штеренберга в окрестностях города Козьмина Кротошинского уезда в Польше и возвращены в Смоленск. В их числе оказались и перечисленные выше архивы Смоленского губернского правления, Канцелярии Смоленского губернатора, Смоленской казенной палаты и др. В настоящее время они составляют обширные коллекции ГАСО. Однако наиболее ценные рукописи, столь оберегавшиеся немецкими «экспертами», обратно так и не вернулись. Не выявлены они до настоящего времени и в других российских архивах. В числе пропавших без вести ценных рукописей значатся 40 редких рукописных и старопечатных книг, Евангелия 1496 и 1552 годов, «Сказание о Меркурии Смоленском», Ирмологий и ноты обиходных церковных песнопений с лицевыми изображениями (из владельческой записи следовало, что ноты были написаны в 1788 году в Троице-Сергиевой Лавре) и другое.

***

Как пишет Б.А. Равдин,

Культурная жизнь на завоеванных территориях СССР определялась не только территориально-национальной программой Германии, но и возможностями оккупированных территорий, наличием театральных залов, кинотеатров, клубов, культурными интересами населения. Наиболее

¹⁴³ Der Leiter der Dienststelle Einsatzführer Nehmzow. Monatsbericht April 1943. Smolensk 2 Mai 1943 // ЦДАВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 144. Л. 477–478.

демонстративно театрально-концертная жизнь была представлена в Латвии, Литве, Эстонии, отчасти на Украине, в Крыму, Белоруссии, на Северном Кавказе, т.е. на «окраинах» советского государства. В сравнении с этими территориями в центральных российских областях сходные явления культурной жизни появлялись с отставанием на год-полгода¹⁴⁴.

Действительно, культурная жизнь в обезлюдевшем в годы войны Смоленске не отличалась таким размахом, как, к примеру, в самом крупном к западу от него городе — Минске¹⁴⁵. И хотя смоленские музыканты и пытались ставить «Князя Игоря» Бородин, но это было единичной попыткой, которая, кстати, скорее всего не увидела «света рамп».

В столице Белоруссии, где до войны действовал оперный театр, во время оккупации продолжали ставиться музыкальные спектакли, которые проходили в городском академическом театре (здание оперного театра пострадало от авиационной бомбы). Однако русская оперная классика была, по всей видимости, под запретом. Зато поощрялось творчество в национальном духе на белорусском языке, что определенным образом подталкивало к сочинительству местных композиторов.

Одной из крупных музыкальных фигур оккупированного Минска был Н.Н. Щеглов. В советское время он довольно успешно подвизался на музыкальном поприще. За его плечами было преподавание музыки в Курске, Воронеже, Смоленске, занятие музыкальной этнографией и композицией. Известно, что на Смоленщину (родину его матери и, возможно, его собственную) Щеглов приехал около 1927 года и посвятил себя фольклористике. К середине 1930-х годов он уже был одним из наиболее известных и авторитетных смоленских музыкантов. Известно, что в январе 1935 года он принимал участие в открытии Дома искусств, дирижировал оркестром на радио¹⁴⁶.

¹⁴⁴ Равдин Б.А. На подмостках войны. С. 11.

¹⁴⁵ Кадры трофейной кинохроники о жизни в годы оккупации в Белоруссии, ее столице Минске, а также [очень фрагментарно] в Риге можно видеть на ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=1loICGCcN5Q> Фильм [главным образом без звука], составленный из многих фрагментов, продолжается около двух часов. Разумеется, он носит пропагандистский характер и показывает те якобы положительные моменты, которые привнесли оккупанты в построение Свободной Беларуси. По-видимому, одной из наиболее масштабных «культурных акций» стал парад, посвященный демонстрации преимуществ немецкой власти и пороков власти советской [можно видеть на 100-й минуте]. Несколько раз демонстрируются эпизоды церковной жизни, выступлений хоров, оркестров, танцевальных ансамблей.

¹⁴⁶ См.: П. Творческая лаборатория работников искусств. Товарищ Румянцев на открытии Дома искусств // Рабочий путь. 1935. № 13. 15 января; Б.Б. Концерт радиостудии в Доме искусств // Рабочий путь. 1935. № 24. 29 января.

На страницах местной газеты «Рабочий путь» выходили его обстоятельные статьи, издавались композиции¹⁴⁷.

(«Рабочий путь».
Смоленск. 1935. № 43.
21 февраля)

Возможно, не без содействия Щеглова в том же году в городе была открыта детская музыкальная школа¹⁴⁸.

Однако в Смоленске Щеглов долго не задержался, переехав в 1936 году в Белоруссию и включившись там в «музыкальное строительство». В Минске он преподавал теорию музыки в консерватории, работал редактором на радио, сочинял музыку, писал статьи. Самой крупной его довоенной работой была опера на белорусском языке «Катерина»¹⁴⁹. В то же время были изданы и другие композиции Щеглова, например, песни, посвященные 20-летию ВЛКСМ¹⁵⁰.

Пик деятельности Щеглова в Белоруссии совпал с военным временем, когда с приходом немцев начался белорусский национальный

¹⁴⁷ Щеглов Н. Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) // Рабочий путь. 1935. № 67. 22 марта; Щеглов Н. Язык музыки // Рабочий путь. 1935. № 138. 17 июня. В «Рабочем пути» за тот же год были опубликованы композиции Н.Н. Щеглова «Песня о Никите Сенине» на текст Сергея Фиксина [1935. № 43. 21 февраля] и «Марш молодого моряка» на текст Гусейна Натика [1935. № 75. 1 апреля].

¹⁴⁸ Щеглов Н. К открытию музыкальной школы в Смоленске // Рабочий путь. 1935. № 58. 11 марта.

¹⁴⁹ Катерина. Избранные отрывки из оперы / Либретто М. Климкович. М., Л.: 1940.

¹⁵⁰ Shcherbakova T. Shchahlow (Kulikovich) Mikalay [Nikola] Mikalayevich // The New Grove Dictionary of Music and Musicians. [Second edition] Ed. by Stanley Sadie. London: 2001. V. 23. P. 237–238.

«культурный ренессанс». Так, 28 февраля 1943 года в Минске состоялась премьера написанной в том же году оперы Щеглова «Лясное возеро» на текст поэтессы Н. Арсеньевой. Сольные партии исполнили Д. Самохин и Н. Бондаренко. В 1944 году композитор сочинил на текст Арсеньевой оперу «Усяслау Чарадзею». Он написал также оперетту «У вырай» и музыку к драме Г. Гауптмана «Затонувший колокол» (поставлена в Минске на белорусском языке в 1943 году).

Выходившая в Минске
в годы оккупации газета
«Minsker Zeitung» (1944.
10/20 марта) со статьей,
посвященной новой
опере М. Щеглова (Н.
Куликовича)
«Усяслау Чарадзею»

Выпускник знаменитого московского Синодального училища церковного пения, в оккупированном Минске Щеглов задался целью создать национальную белорусскую церковную музыку. Очевидно, его творчество в данном направлении стимулировало образование сразу после оккупации республики Белорусской Православной Церкви.

В 1941–42 годах Щеглов, до войны собиравший фольклор на Смоленщине, продолжал делать записи народных песен в Белоруссии. «Зборнік купальскіх і жніўных беларускіх песеньяў», содержащий его обработки, был издан в Минске в 1943 году. По некоторым сведениям, там же были изданы и сборники «Ой, прыйшла Каляда» и «Вясна красна». Сотрудничал Щеглов и с периодическими изданиями: его перу принадлежали статьи о музыкальном фольклоре Смоленщины, о народных инструментах, о «белорусском» композиторе М.И. Глинке и др.

Писал он также и музыку легких жанров, и национальные патриотические песни¹⁵¹. По информации биографа композитора Г. Пикарды, в 1944 году в Берлине была издана книга Куликовича «Белорусская музыкальная культура»¹⁵². Известно, что по инициативе Щеглова митрополичий хор участвовал в программах белорусского радиовещания, где исполнял народные песни¹⁵³.

Свой вклад в музыкальное творчество в годы войны внесли и другие композиторы, в частности А.Е. Туренков и Н.Я. Ровенский — автор получившего широкое распространение гимна «Могутный Божа» на текст Н. Арсеньевой.

Нужно полагать, опыт по созданию национального гимна предпринимался не только в Белоруссии, но и в других республиках. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в 1942 году, после поражения под Сталинградом, объявление о конкурсе на создание гимна Новой России появилось в газете «Голос народа» (печатный орган, выходивший для Орловской и Курской областей). При газете было создано жюри, куда вошло руководство управления. За лучшие работы предполагались премии в размере от 100 до 10000 рублей¹⁵⁴. Нетрудно предположить, что комиссии без дела сидеть не пришлось. Однако опыты авторов таких гимнов, в отличие от опыта Ровенского, канули в Лету.

На бывшем советском пространстве продолжали действовать еще несколько оперных театров, в частности, в Одессе¹⁵⁵ и Юзовке (до войны — Сталино, ныне — Донецк)¹⁵⁶. С этими театрами была связана судьба молодого киевского певца-солиста (тенора) и дирижера М.С. Константинова (1904–1982). При немцах он был назначен музыкальным руководителем театра и дирижером оркестра в Юзовке (театр тогда назывался Front-Oper Stalino), затем некоторое время выступал в Одессе. В этих театрах пела и супруга Константинова Ольга Андреевна (лирическое сопрано) — бывшая солистка Киевской

¹⁵¹ Пикарда Гай. «Найбольш беларускі кампазітар...» // Мастацтва Беларусі. 1991. № 12. С. 51. Статья основана на материалах личного архива Н.Н. Щеглова-Куликовича, находящегося в Белорусской библиотеке им. Ф. Скорины в Лондоне.

¹⁵² Пикарда Гай. «Найбольш беларускі кампазітар...» // Мастацтва Беларусі. 1991. № 13. С. 8.

¹⁵³ Силова С.В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Гродно: ГрГУ, 2003. С. 33.

¹⁵⁴ Ковалев Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. URL: http://window.edu.ru/catalog/pdf2txt/237/69237/43969?p_page=22

¹⁵⁵ См.: Левицкий Александр, Шаматажи Дмитрий. Театр в период Великой Отечественной войны. История оперного театра // URL: <http://archodessa.com/all/new-opera-theatre-history-world-war/>

¹⁵⁶ См.: Кашкаха Александр. Донецкий оперный театр в годы оккупации. URL: <http://infodong.org.ua/stalino/716>

оперы¹⁵⁷. В годы оккупации Константинов вернулся к своему любимому делу — управлению церковным хором¹⁵⁸.

На захваченных гитлеровцами территориях свои действия возобновили не только многочисленные музыкальные школы и студии, но и консерватории в Харькове и Одессе. В Одесской консерватории трудился еще один выпускник Московского Синодального училища церковного пения — С.Д. Кондратьев (1888–1973). Получив должность декана, он преподавал гармонию, вел класс композиции, руководил оркестром. Имеются сведения, что Кондратьев писал статьи для местной газеты «Молва», а также (вместе с коллегами) работу «Идеологическая критика достижений советской музыки». (Подобные труды создавались зачастую по приказу представителей Оперативного штаба Розенберга.) Скорее всего, его перу принадлежали и некоторые статьи в выходившей в Берлине русской эмигрантской газеты «Новое слово». Известно, что в Берлине жили знавшие Кондратьева его коллеги-музыканты и что представитель этой газеты встречался с Кондратьевым в Одессе¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Отец О.А. Константиновой — будущий епископ Волынский и Житомирский Филарет (Линчевский). Умерший в заключении в 1941 году, он ныне причислен к лику новомучеников. [См. о нем: URL: http://kuz3.pstbi.ru/bin/code.exe/frames/m/ind_oem.html/ans] [Сообщено В.В. Красовским.]

¹⁵⁸ Павлова Татьяна. Михаил Сергеевич Константинов (Воспоминания дочери) // Русская жизнь [Сан-Франциско]. 1996. 28 декабря. См. данный текст в Приложении (в конце статьи). В 1948 году, уже находясь в Германии, М.С. Константинов стал солистом гастролировавшего в Германии и скандинавских странах Хора черноморских казаков под управлением Б.М. Ледковского. После переезда в США Константинов с 1953 по 1979 год управлял хором Радосте-Скорбященского собора в Сан-Франциско. Он был одним из наиболее талантливых духовных композиторов русского зарубежья. К сожалению, большая часть его обширного наследия до сих пор не опубликована. Одно из сочинений Константинова можно слышать на веб-ресурсе: https://www.youtube.com/watch?v=z30m4abN_vA

¹⁵⁹ В 1943 году С.Д. Кондратьев, женившись на А.П. Рихтер (матери пианиста С.Т. Рихтера), уехал в Германию и жил в пригороде Штутгарта под фамилией Рихтер. См. подробнее: Пряшников Маргарита. Сергей Кондратьев и Святослав Рихтер: правда и вымысел // Всероссийское музейное музыкальное объединение имени М.И. Глинки. Альманах. Сборник научных трудов. Вып. 4. М.: Композитор, 2013. С. 470–473. На западе, также под другой фамилией, оказался и упомянутый выше Н.Н. Щеглов. Сразу же после войны он попал в лагерь ДиПи на территории Германии, где именовался Микола Куликович. [Как известно, русским беженцам было очень трудно избежать насильственной репатриации, именно поэтому многие из них становились «западными украинцами», «белорусами», «фольксдойчами», «поляками» и т.д.]. В Германии Щеглов организовал труппу белорусских артистов «Жыве Беларусь», позже переименованную в «Белорусский театр эстрады», выступавшую с балетными и акробатическими номерами, вокальными соло и дуэтами, хоровым пением. Просуществовавший пять лет театр имел большой успех в лагерях ДиПи, а также, по всей видимости, и в американских воинских частях. Возможно, управлял Щеглов и церковным хором. Известно, что в 1948 г. он сочинил Литургию Св. Иоанна Златоуста на церковно-славянские тексты. Переселившись в 1950 году в Чикаго, музыкант руководил хором в Греко-католической церкви Христа Искупителя, руководил собственной музыкальной студией, писал музыкальные композиции и статьи. Умер Н.Н. Щеглов (Куликович) в Чикаго в 1969 году.

Берлинское «Новое слово» было газетой, откуда некоторые материалы поступали в местную прессу, выходившую на оккупированных территориях. Таким образом, не исключено, что некоторые статьи в смоленском «Новом пути» принадлежали перу Кондратьева.

***

Как форма музыкальной «самостийности» оккупационными властями поддерживалось и фольклорное движение, в том числе соби́рание фольклора и его музыкальная обработка. Известно, что проводившаяся в СССР коллективизация, борьба с «кулачеством» и «старыми пережитками» в деревне наложила тяжелый отпечаток и на фольклор, развитие которого пытались уложить в идеологическое прокрустово ложе¹⁶⁰.

В делах Оперативного штаба рейхсляйтера А. Розенберга для оккупированных восточных территорий сохранился уникальный документ: рапорт доктора А. Рихеля о народном театрализованном представлении с песнями и танцами в Минске, состоявшемся 4 апреля 1943 года в кинотеатре «Родина» перед местной и немецкой публикой¹⁶¹. Народная пьеса-фарс «Мікітау Лапаць», песни («У лясных гушчарах», «Слуцкія ткачыхі», «Ой палола дзеука васілечкі» и др.), танцы («Лявониха», «Вэнгерскі танец» и др.) вызвали, как пишет автор рапорта, бурные овации присутствовавших, хотя некоторые представители белорусской элиты отнеслись к примитивному «действию» с высокомерием и преждевременно покинули зал.

Организатором спектакля стал немецкий Совет по культуре, основанный в рамках «Белорусского проекта самопомощи». Последний предусматривал организацию многочисленных любительских трупп, которые должны были гастролировать в целях культурной пропаганды. Необходимость такой деятельности автор проекта объяснял культурным вакуумом, который возник в Восточной Белоруссии в результате разрушения национальных традиций в годы советской власти.

¹⁶⁰ Известно, что в 1930-е годы в контексте коллективизации и борьбы с «кулачеством» осуществлялись весьма активные попытки «советизации» фольклора. О попытках разделить фольклорные жанры на «прогрессивные» и «консервативные», подчинить народное творчество «пролетарскому сознанию» см. в кн.: Фольклор России в документах советского периода. Сборник документов. Сост. Е.Д. Гринько, Е.Л. Ефанова (отв. ред.) и др. М.: Гос. Республиканский центр русского фольклора, 1994.

¹⁶¹ Dr. A. Richel. Bericht über das probeweise Auftreten einer weissruthenischen Sing- und Spielgruppe vor geladenen deutschen und weissruthenischen Gästen in Minsk. 8 April 1943 // ЦДАВОУ. № 3676. Оп. 1. Д. 144. Л. 509–511. См. публикацию этого текста в Приложении (в конце статьи).

***

Политика искоренения традиционных духовных, культурных, идейных национальных констант, столь агрессивно проводившаяся в СССР, обернулась в годы войны их «реставрацией», которую направляли в нужное им русло немецкие органы пропаганды. Однако с изгнанием немцев эта история не закончилась. Национальный импульс оказался настолько силен, что повлиял на литературу, музыку, искусство, церковную жизнь обитателей лагерей для перемещенных лиц на территории Западной Европы, где оказались несколько миллионов бывших советских граждан. Выходцы из СССР составляли примерно четвертую их часть¹⁶². Многие из них затем влились в национальные мировые диаспоры, главным образом на территории США.

Таким образом, открытие в постсоветское время целого затерявшегося в отечественной истории пространства — оккупированных в годы Великой Отечественной войны советских земель, — можно в какой-то мере сравнить с открытием русского зарубежья. Причем эти явления оказались тесно связанными, объясняющими и дополняющими друг друга. Особенно важно изучение происшедшего на оккупированных территориях для понимания культуры русской эмиграции «второй волны».

Что касается СССР, то наиболее ощутимый «позитивный» след оставил там «религиозный ренессанс», происшедший на оккупированных территориях. В определенной мере следствием происшедших в годы войны процессов стало возникновение более либерального отношения советской власти к церкви и ее искусству в последние военные и первые послевоенные годы. Красноречив и тот факт, что большинство церквей, которые были открыты в 1941–43 годах, продолжали действовать до начала новой антицерковной политики 1960-х годов.

¹⁶² Proudfoot M.J. European Refugees. 1939–1952. A Study of Forced Population Movement. London, 1956. P. 99. О музыке и музыкантах в некоторых лагерях для перемещенных лиц в Германии и Австрии см.: Зверева С.Г. Русская духовная музыка за пределами СССР в 1940-е годы: контуры истории; Садикова Е.Н. Из истории богослужебно-певческой деятельности русских приходов в послевоенной Западной Германии // Русское зарубежье: музыка и православие. С. 303–323, 324–376.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- 1 Договора, акты на получение мебели в арендное пользование. 23 марта 1942 — февраль 1943 // ГАСО. Ф. 2573. № 188.
- 2 Отчет и объяснительные записки, сводная таблица и отчеты о выполнении бюджета по Смоленску // ГАСО. Ф. 2573. № 279.
- 3 Договора, акты на изъятие имущества и на получение мебели в арендное пользование // ГАСО. Ф. 2573. № 289.
- 4 Договора, акты на изъятие имущества и на получение мебели в арендное пользование за март 1943 года // ГАСО. Ф. 2573. № 290.
- 5 Договора, акты на изъятие имущества и на получение мебели в арендное пользование за апрель 1943 года // ГАСО. Ф. 2572. № 293.
- 6 Респондент № 439. [Меландер В.А.] Интервью, данное им 10 февраля 1951 года в рамках Гарвардского проекта // Harvard university refugee interview project. Schedule B, Vol. 11 B-6 [War-time occupation schedule] Case 439 (interviewer A.D.). URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/5481336?n=4&imagesize=1200&-jp2Res=.25&printThumbnails=no>
- 7 Der Leiter der Dienststelle Einsatzführer Nehmzow. Monatsbericht April 1943. Smolensk 2 Mai 1943 // ЦДАВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 144.
- 8 Dr. A. Richel. Bericht über das probeweise Auftreten einer weissruthenischen Sing- and Spielgruppe vor geladenen deutschen und weissruthenischen Gästen in Minsk. 8 April 1943 // ЦДАВОУ. № 3676. Оп. 1. Д. 144.
- 9 Kurzer Bericht über die Tätigkeit der Arbeitsgruppe II des Sonderstabes Musik in Smolensk. 26 November 1942 // ЦДАВОУ. Ф. 3676. Оп. 1. Д.

**МАТЕРИАЛЫ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТСКОЙ
ГАЗЕТЫ «НОВЫЙ ПУТЬ» (DER NEUE WEG). СМОЛЕНСК**

- 1 А.Р. В музыкальной студии // Новый путь. 1942. № 58. 26 июля.
- 2 А.Р. В Смоленской музыкальной студии // Новый путь. 1942. № 34. 3 мая.
- 3 Александров. Вечер русской песни (Годовщина хора Смоленского народного театра) // Новый путь. 1943. № 63. 12 августа.
- 4 Б. Наши передачи (Обзор писем радиослушателей) // Новый путь. 1942. № 15. 26 февраля.
- 5 Б.О.К.С. в Смоленске // Новый путь. 1942. № 45. 11 июня.
- 6 Вегенов В. Русские композиторы за рубежом // Новый путь. 1942. № 96. 6 декабря.
- 7 Вниманию радиослушателей // Новый путь. 1942. № 26. 5 апреля.
- 8 Газетное дело на освобожденных Восточных территориях // Новый путь. [Смоленск]. 1942. № 58. 26 июля.
- 9 Дружбин. Жизнь оркестра // Новый путь. 1941 № 18. 14 декабря.
- 10 Жуковский. Мартовские радиопередачи // Новый путь. 1942. № 16. 1 марта.
- 11 Жуковский. Концерт из произведений П.И. Чайковского // Новый путь. 1942. № 84. 25 октября.
- 12 И.А.Л. Архивы города // Новый путь. 1941. № 16. 7 декабря.
- 13 Концерт В.В. Топилина и В.П. Мирскова // Новый путь. 1943. № 47. 17 июня.
- 14 Кручинин. К двухсотлетию смоленского соборного хора // Новый путь. 1943. № 62. 8 августа.
- 15 Маршинский А.Н., профессор. Русская православная церковь за границей // Новый путь. 1943. № 22. 18 марта.
- 16 Меньшагин Б., начальник города Смоленска. Славная годовщина // Новый путь. 1942. № 55. 16 июля.
- 17 Михайлов Олег. Музыка, литература, театр // Новый путь. 1942. № 27. 9 апреля.
- 18 Музей книги // Новый путь. 1941. № 14. 30 ноября.
- 19 Н.С. Концерты классической музыки // Новый путь. 1942. № 57. 23 июля.

- 20 Настоятель собора. Расписание богослужений в дни Рождества Христова и Нового года // Новый путь. 1941. № 21. 25 декабря.
- 21 Наша гордость // Новый путь. 1943. № 57. 22 июля.
- 22 Новый концерт // Новый путь. 1942. № 55. 16 июля.
- 23 Открытие народного театра в Смоленске // Новый путь. 1942. № 65. 20 августа.
- 24 Подготовка к открытию в Смоленске городской библиотеки // Новый путь. 1942. № 20. 15 марта.
- 25 Программа передач Смоленского радиозула с 1 по 8 марта 1942 года // Новый путь. 1942. № 16. 1 марта.
- 26 Против материализма // Новый путь. 1942. № 58. 26 июля.
- 27 Рост населения продолжается // Новый путь. 1941. № 17. 11 декабря.
- 28 С.Ш. Большой концерт // Новый путь. 1942. № 46. 14 июня.
- 29 Смоленский. Религиозные доклады по радио // Новый путь. 1942. № 89. 12 ноября.
- 30 Ставропольцев Ф. Концерт в Смоленске // Новый путь. 1942. № 39. 21 мая.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- 1 *Абовян Е.Н.* Брянский регион в годы Великой Отечественной войны: партизанское движение и коллаборационизм (1941–1945 гг.). Брянск: Изд-во БГТУ, 2014.
- 2 *Александров Ф.А., учитель, собиратель народного творчества.* Собирайте фольклор // Рабочий путь [Смоленск]. 1941. № 8. 10 января.
- 3 *Амелин С.А., Ивочкин Д.А., Трапезников И.А.* Смоленск в оккупации. Фотоальбом. СПб.: Историческая иллюстрация, 2015.
- 4 *Амельченков В.Л.* Смоленская епархия в годы Великой Отечественной войны. Смоленск: Свиток, 2006.
- 5 *Байдалаков В.М.* Да возвеличится Россия. Да гибнут наши имена... Воспоминания председателя НТС. 1930–1960. М.: 2002.
- 6 *Березов Родион.* Разлука // Вечно живет!.. Нью-Йорк: Rausen, 1967. Т. 2. URL: <http://www.katyn.ru/index.php?go=News&in=view&id=274>
- 7 «...Все судьбы в единую слиты...». По рассекреченным архивным документам. К 60-летию освобождения Смоленщины от немецко-фашистских захватчиков / Авторы-сост.: Н.Г. Емельянова, А.М. Дедкова, О.В. Виноградова, Г.В. Гаврилова, В.А. Кононов. Смоленск: Маджента, 2003.
- 8 *Веригин С.Г.* Предатели или жертвы войны: Коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2012.
- 9 Возрожденный из руин. Сборник документов и материалов о восстановлении и развитии г. Смоленска, 1943–1962 гг. / Ред. П.Е. Богданов. Смоленск: Книжное изд-во, 1963.
- 10 *Галкин А.К., Бовкало А.А.* Церковная жизнь Гдова в дни оккупации (1941–1943 гг.) // URL: <http://all-gdov.ru/musey/cerk-opnaya-zhizn-gdova-v-dni-okkupacii-1941-1943-gg/>
- 11 Государственный архив Смоленской области и его филиал в г. Вязьма. Путеводитель. Сост.: Е.Г. Бородавкина, Г.Н. Мозгунова, И.Г. Хорева. Смоленск: Свиток, 2012.
- 12 Дневник сельской учительницы времени немецкой оккупации / Публ. О. Николаева // Альманах «Русский мир». Пространство и время русской культуры. СПб.: Изд. НП Международная ассоциация «Русская культура», 2010.
- 13 *Ермолов И.Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010.
- 14 *Ермолаев М.М.* Дополнение о Мушкетове // Архив наследия — 2000. Научный сборник. М.: Институт Наследия, 2001.
- С. 293–296.
- 15 Жизнь в оккупации. Пушкин, Гатчина, Эстония. Дневник Люси Хардикайнен. СПб.: Изд-во СПб ун-та, 1999.
- 16 «За други своя»: Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Материалы церковно-общественной конференции. 24 марта 2005 г. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви. 2005.
- 17 *Зверева С.Г.* Русская духовная музыка за пределами СССР в 1940-е годы: контуры истории // Русское зарубежье: музыка и православие / Сост. С.Г. Зверева, науч. ред. С.Г. Зверева, М.А. Васильева. М.: Русский путь, 2013. С. 284–323.
- 18 *Зинич М.С.* Деятельность Оперативного штаба А. Розенберга по вывозу культурных ценностей из СССР // Вопросы музеологии. 2011. № 1 (3). С. 116–125.
- 19 *Иванов М.В.* Меландер Владимир Алексеевич // URL: http://www.nasledie-smolensk.ru/pkns/index.php?option=com_content&task=view&id=2984&Itemid=61
- 20 *Иванов М.В.* Мушкетов Виталий Ильич // URL: http://www.nasledie-smolensk.ru/pkns/index.php?id=2380&Itemid=61&option=com_content&task=view
- 21 *Иванов М.В.* «Но разведка доложила точно»: материалы к биографии Смоленского музея // Архив наследия — 2000. Научный сборник. М.: Институт Наследия, 2001. С. 286–292.
- 22 *Илькевич Н.Н.* Смоленск во власти неприятеля: 26 месяцев оккупации / *Базилевский Б.В.* Общая картина жизни в Смоленске во время немецкой оккупации / Публ. Н.Н. Илькевича // Смена [Смоленск]. 1994. № 24. 18 июня; № 25. 25 июня; № 26. 2 июля.
- 23 *Кантор Ю.З.* Судьба художественных ценностей на оккупированной территории северо-запада России // Великая Отечественная война. 1942 год. Исследования. Документы. Комментарии / Отв. ред. В.С. Христофоров. М.: Изд-во Главного архивного управления города Москвы. 2012. URL: <http://www.istmira.com/istvtmir/velikaya-otechestvennaya-vojna1942-god/page/249/>
- 24 Картотека Z Оперативного штаба «Рейхсляйтер Розенберг». Ценности культуры на оккупированных территориях России, Украины и Белоруссии. 1941–1942. М.: Изд-во МГУ, 1998.
- 25 *Кашеварова Н., Малолетова Н.* Деятельность Оперативного штаба рейхсляйтера Розенберга в оккупированной Европе в период Второй мировой войны: Справочник-указатель архивных документов из Киевских собраний. Киев: Нац. б-ка Украины им. В.И. Вернадского: Центральный гос. архив высших органов власти и управления Украины. 2006.
- 26 *Кашкаха Александр.* Донецкий оперный театр в годы оккупации // URL: <http://infodan.org.ua/stalino/716>
- 27 *Кеннеди Гримстед П.* Дважды украденные и дважды спасенные. Идентификация русских «трофейных» архивов и нацистских учреждений, конфисковавших их // URL: <http://libfl.ru/restitution/conf/grimsted.html>
- 28 *Ковалев Б.Н.* Коллаборационизм в России в 1941–1945 гг.: типы и формы. Великий Новгород: Новгородский гос. ун-т им. Ярослава Мудрого, 2009.
- 29 *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011.
- 30 *Кодин Е.В.* «Гарвардский проект». М.: Российская политическая энциклопедия, 2003.
- 31 *Козлов С., сержант.* Концерт у земляков // Рабочий путь. 1941. № 27. 2 февраля.
- 32 *Комаров Дмитрий.* Коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны на Смоленщине // Край Смоленский. 2003. № 3–4. С. 21–44.
- 33 *Комаров Дмитрий.* Масштабы потерь мирного населения Смоленской области в период вражеской оккупации 1941–1943 гг. // Край Смоленский. 2015. № 6. С. 3–5.
- 34 *Комаров Дмитрий.* Население Смоленской области на 22 июня 1941 года // Край Смоленский. 2015. № 5. С. 3–5.
- 35 *Кононов В.* Наш брат Юрий // О чем говорит Смоленск. 2014. № 11 (101). 23 июня. С. 32–35.
- 36 Концерт ленинградских артистов // Рабочий путь. 1941. № 33. 9 февраля.
- 37 *Корнилов А.А.* Преобразование России. О православном возрождении на оккупированных территориях СССР (1941–1944 гг.). Нижний Новгород: ИФ ННГУ, 2000.
- 38 *Костюченков А.А.* Бургомистр Смоленска Б.Г. Меньшагин. Отражение политических репрессий, «Катинского дела» и немецкой оккупации в судьбе советского адвоката // Вестник «Катинского мемориала». 2011. № 11. URL: <http://memorial-katyn.ru/en/archiv/64-burgomistr-smolenska-bg-menshagin-otrazhenie-politicheskix-repressij-ikatynskogo-delar-i-nemeczkaj-okkupacii-v-sudbe-sovetskogo-advokata.html>.
- 39 *Кравченко-Бережной Р.А.* Между белым и красным: стоп-кадры моего XX века. СПб.: ГАМАС, 2008
- 40 *Красильников И.Б.* Состояние образовательных и культурно-просветительных учреждений Смоленской области в период немецкой оккупации // Известия Смоленского государственного ун-та. 2009. № 1 (5). С. 198–210.

- 41 *Кривонос Федор, священник, Теплова В.А., Чакин И.В., Оржеховский И.В., Шейкин Г.Н., Силова С.В., Лаврецкий. Г.А.* Беларусь // Православная энциклопедия. Т. 4. М., 2002. URL: <http://www.pravenc.ru/text/77856.html>
- 42 *Кролик И.* Работники искусств — Красной Армии // Рабочий путь. 1941. № 32. 8 февраля.
- 43 *Левицкий Александр, Шаматажи Дмитрий.* Театр в период Великой Отечественной войны. История оперного театра // URL: <http://archodessa.com/all/new-opera-theatre-history-world-war/>
- 44 *Меньшагин. Б.Г.* Воспоминания: Смоленск... Катюнь... Владимирская тюрьма... Paris: YMCA-Press, 1988. URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=655>
- 45 *Митрофанов Георгий, протоиерей.* История Русской Православной Церкви. 1900–1927. СПб.: Сатис, 2002.
- 46 НТС: Мысль и дело. 1930–2000. М.: Посев, 2000.
- 47 *Обозный Константин.* История Псковской Православной Миссии. 1941–1944 гг. М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья; Общество любителей церковной истории, 2008.
- 48 *Окоороков А.В.* Особый фронт. Немецкая пропаганда на восточном фронте в годы Второй мировой войны. М.: Русский путь, 2007.
- 49 Очерк истории центральной библиотеки г. Смоленска библиотекаря Валентины Шороховой // Край Смоленский. 2015. № 7. С. 39–44.
- 50 *Л.* Творческая лаборатория работников искусств. Товарищ Румянцев на открытии Дома искусств // Рабочий путь. 1935. № 13. 15 января.
- 51 *Павлова Татьяна.* Михаил Сергеевич Константинов (Воспоминания дочери) // Русская жизнь [Сан-Франциско]. 1996. 28 декабря.
- 52 *Папкова Н.Н.* «Господь хранит пришельцев» (книга воспоминаний). Б. м., 2007.
- 53 Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. 1941–1943 гг. Документы и материалы / Сост.: Н.П. Галицкая, А.И. Гуляев, Л.В. Котов, З.И. Парамонова, Ф.К. Строилов. Смоленск: Смоленское книжное изд-во, 1962.
- 54 Плескач Сергей Дмитриевич // Новомученики и Исповедники Русской Православной Церкви XX века. URL http://www.pstbi.scas.ru/bin/nkws.exe/ans/nm/?HZ9EJxGHoXITcGZeU-yPrVY9X-Ys**_pnl
- 55 Под немцами. Воспоминания, свидетельства, документы.
- Историко-документальный сборник / Сост. К.М. Александров. СПб.: Скрипториум, 2011.
- 56 *Полчанинов Р.В.* Молодежь русского зарубежья. Воспоминания. 1941–1945. М.: Посев, 2009
- 57 *Пономарева Г.М., Шор Т.К.* Русская печать и культура в Эстонии во время Второй мировой войны (1939–1945). Vene trükisõna ja kultuur Eestis II Maailmaasja ajal (1939–1945). Tallinn: Изд-во Таллиннского ун-та, 2009.
- 58 *Пряшников Маргарита.* Сергей Кондратьев и Святослав Рихтер: правда и вымысел // Всероссийское музейное музыкальное объединение имени М.И. Глинки. Альманах. Сборник научных трудов. Вып. 4. М.: Композитор, 2013. С. 460–477.
- 59 *Равдин Б.А.* Предварительный список русской религиозной литературы, изданной на оккупированных территориях СССР, в Германии и некоторых сопредельных европейских странах в 1941–1945 года // Wiener Slavistisches Jahrbuch. Neue Folge. Wiesbaden: 2014. [Vol.] 2. С. 176–221.
- 60 *Равдин Б.А.* На подмостках войны: Русская культурная жизнь Латвии времен нацистской оккупации (1941–1944). Stanford: 2005. (Stanford Slavic Studies. V. 26.)
- 61 *Рар Л.А., Оболенский В.А.* Ранние годы. Очерк истории Национально-Трудового Союза (1924–1948). М.: Посев, 2003.
- 62 *Романько О.В.* Белорусские коллаборанты. Сотрудничество с оккупантами на территории Белоруссии. 1941–1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2013.
- 63 *Романько О.В.* Крым в период немецкой оккупации. Национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение. 1941–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2014.
- 64 Русская Православная Церковь. XX век / Беглов А.Л., Васильева О.Ю., Журавский А.В. и др. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2008.
- 65 *Садикова Е.Н.* Из истории богослужебно-певческой деятельности русских приходов в послевоенной Западной Германии // Русское зарубежье: музыка и православие / Сост. С.Г. Зверева, науч. ред. С.Г. Зверева, М.А. Васильева. М.: Русский путь, 2013. С. 324–376.
- 66 «Свершилось. Пришли немцы!» Идеиный коллаборационизм в СССР в период Великой Отечественной войны / Сост. и отв. ред. О.В. Будницкий, Г.С. Зеленина. М.: РОССПЭН, 2012.
- 67 Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. М.: Министерство культуры Российской Федерации. Департамент по сохранению культурных ценностей, 1999–2011. Т. 1–18.
- 68 Сводный каталог культурных ценностей, похищенных и утраченных в период Второй мировой войны. Российская Федерация. Смоленский государственный музей-заповедник: В 3-х кн. М.: 2005–2007.
- 69 *Семиряга М.И.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000.
- 70 *Серафим (В.Л. Амельченков), иеромонах.* Русская Православная Церковь и общество в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов (на материалах Смоленской области). Смоленск: Свиток, 2012.
- 71 *Силова С.В.* Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Гродно: ГрГУ, 2003.
- 72 *Склеенова В.И.* История музея «Русская старина». Смоленск: Свиток, 2012.
- 73 *Склеенова В.И.* Судьба коллекций районных музеев Смоленской области в 1941–1945 годах // <http://www.lostart.ru/catalog/ru/tom7/2633/>
- 74 *Склеенова В.И.* Реликвии М.И. Глинки в годы Великой Отечественной войны // Эпоха М.И. Глинки: музыка, поэзия, театр. Материалы научно-практической конференции, 6–7 июня 2014 г. / Составитель-редактор Н.В. Деверилина, отв. за вып. О.Е. Мальцева. Смоленск: Маджента, 2015. С. 120–140.
- 75 *Стольпин А.П.* На службе России. Очерки по истории НТС. Франкфурт-на Майне: Б.д.
- 76 *Тенета-Бартенева Л.Б.* Лебедев Константин Михайлович. Очерк о жизненном и творческом пути выдающегося хорового дирижера и педагога. М.: 4-й филиал Воениздата, 2002.
- 77 *Шарков А.В., Грозов В.В., Бествицкий Ю.А.* Под крестом судьбы. Изд. 2-е. Минск: Белорусская Православная Церковь; Международный благотворительный фонд «Семья — Единение — Отечество», 2014.
- 78 *Шедвиговский И.* Живописец смоленской истории // Юный пионер [Смоленск]. 1941. 13 марта.
- 79 *Шимко С.Н.* История музыкальной школы имени М.И. Глинки в г. Смоленске // URL: http://smol-dmsh1.ru/?page_id=7&page=2
- 80 *Шкаровский М.В.* Нацистская Германия и Православная Церковь. (Нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на оккупированной территории СССР). М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья; Общество любителей церковной истории, 2002.
- 81 *Шкаровский М.В.* Политика Третьего рейха по отношению к Русской Православной Церкви в свете архивных материалов

- 1935–1945 годов. (Сборник документов). М.: 2003.
- 82 Шкаровский М.В. Церковь зовет к защите Родины. Религиозная жизнь Ленинграда и Северо-Запада в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Сатис. 2005.
- 83 Щеглов Н. Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) // Рабочий путь. 1935. № 67. 22 марта.
- 84 Щеглов Н. К открытию музыкальной школы в Смоленске // Рабочий путь. 1935. № 58. 11 марта.
- 85 Щеглов Н. Язык музыки // Рабочий путь. 1935. № 138. 17 июня.
- 86 Шеров И.П. Коллаборационизм в Советском Союзе 1941–1944: типы и проявления в период оккупации. Смоленск: Универсум, 2005.
- 87 Уничтожение евреев в СССР в годы немецкой оккупации (1941–1944). Иерусалим: 1992.
- 88 Фольклор России в документах советского периода. Сборник документов. Сост. Е.Д. Гринько, Е.Л. Ефанова (отв. ред.) и др. М.: Гос. Республиканский центр русского фольклора, 1994.
- 89 Электронная база данных «Жертвы политического террора в СССР». URL: <http://lists.memo.ru/index12.htm>
- 90 Яковлев С. Смоляне в искусстве. Московский рабочий, 1968.

ЛИТЕРАТУРА НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

- 1 Пікарда Гай. «Найбольш беларускі кампазітар...» // Мастацтва Беларусі. 1991. №№ 12, 13.
- 2 Cohen Laurie R. Smolensk under the Nazis: Everyday life in Occupied Russia. Woodbridge, Suffolk: Boydell & Brewer, 2013.
- 3 Kennedy Grimsted P. Reconstructing the Record of Nazi Cultural Plunder. A Survey of the Dispersed Archives of the Einsatzstab Reichsleiter Rosenberg (ERR). IISH Research Paper, 47. 2011.
- 4 Shcherbakova T. Shchahlow (Kulikovich) Mikalay [Nikola] Mikalayevich // The New Grove Dictionary of Music and Musicians. [Second edition] Ed. by Stanley Sadie. London: 2001. V. 23. P. 237–238.
- 5 Proudfoot M.J. European Refugees. 1939–1952. A Study of Forced Population Movement. London, 1956.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Dr. A. Richel. Bericht über das probeweise Auftreten einer weissruthenischen Sing- und Spielgruppe vor geladenen deutschen und weissruthenischen Gästen in Minsk. 8 April 1943.

«Am Sonntag, den 4. April 1943, vormittags, fand in dem deutschen Kino "Heimat" eine von den neuengerichteten "Kulturrat" des Weissruthenischen Selbsthilfwerkes durchgeführte Probevorstellung einer Weißruthenen-Sing-, Spiel- und Tanzgruppe statt. Solche Gruppen sollen in möglichst grosser Anzahl aus Laienschauspielern und überhaupt dazu geeigneten Leuten zusammengestellt und einstudiert werden, um mit kulturpropagandistischem Ziel im weiten Lande herumzufahren und aufzutreten. Das geschichtliche Schicksal des weissruthenischen Landes hat es mit sich gebracht, daß der größere, östliche Teil 25 Jahre unter bolschewistischer Herrschaft stand, im Verlauf deren alles alte, echte Volksgut verschüttet und vernichtet wurde. An seine Stelle wurde mit bolschewistischer Brutalität ein intellektuell konstruiertes sowjetisches Leben gesetzt, in dem die Kultur "national der Form nach, sozialistische dem Inhalt nach" war. In diesem System konnte von echtem eigenkräftigem Volksleben keine Rede sein, alles war von oben her zum höheren Ruhme der Sowjetmacht dirigiert. Die Sowjetwelt ist in Weissruthenien vernichtet und nachgeblieben ist gar nichts. Die alte echte Primitiv-Tradition ist vernichtet, das künstlich errichtete Sowjetleben ist ebenfalls zerstört. Es ist also in diesem Raume eine kulturelle und völkische Leere eingetreten, die schreckenregend ist. Ein Volk ohne Seele ist nachgeblieben und vegetiert armselig dahin.

Um hier helfend und neuschöpfend einzugreifen, hat sich unter deutscher Initiative und Leitung dieser "Kulturrat" gebildet, der vorläufig noch ein Teil des einheimischen Selbsthilfwerkes ist, später aber zu einer selbständigen staatlich gefügten und herausgestellten Einrichtung ausgestaltet werden wird. Seine Aufgabe ist es, Bestandsaufnahme des überhaupt in diesem Volke noch vorhandenen kulturellen Guts und völkischer Eigenart zu machen und ausserdem die Vorbereitung pflegenswerter kultureller Werte von neuem im weissruthenischen Volke zu besorgen, also aktiver Kulturpropagandist zu sein. (Vgl. Die von uns schon eingesandte Satzung dieses Rates).

Ein Weg dieser Kulturpropaganda ist nun der, noch irgendwie vorhandenes Kulturgut, entweder aus alter literarischer Überlieferung oder in gewissen überlebenden aktiven Kreisen, die vor allem im kaum bolschewistischen ehem. polnischen Westteil des Landes ihre Heimat haben, neu zu beleben und gerade in völligen bolschewiserten und entseelten Ostteil wieder ins Leben zu führen. Es ist kein Zweifel, daß so etwas ein Experiment ist, solche künstliche Neubelebungen überlebte Zustände müssen mit äußerstem Takt und Vorsicht betrieben werden. Aber es gibt hier nun mal bis jetzt keine andere Möglichkeit, und so muß der Versuch gemacht werden. Außerdem darf es natürlich dabei nicht allein bleiben, es muß diesem an sich sozial und politisch ungemein geweckten und bearbeiteten Volke darüber hinaus eine erträgliche politische Idee gegeben werden, die es zu packen vermag. Da es mit letzterem aus naheliegenden Gründen bisher noch völlig im argen liegt (die völlige Friedlosigkeit des Landes gibt darüber ein nicht mißzuverstehendes Zeugnis), müssen alle anderen Möglichkeiten um so nachdrücklicher und ernster versucht werden. Unter diesem Gesichtspunkt ist diese Tätigkeit des neu ins Leben gerufenen Kulturrats, der übrigens schon ganz in der Linie der auf völlig neue Grundlagen gestellten politischen Gestaltung dieses Landes liegt, aufs wärmste zu begrüßen und zu unterstützen.

Diese morgendliche Probevorführung, deren Programm ich beilege, war ein nicht schlecht gelungener Anfang auf diesem Gebiete. Die kleine Volkspose, wo sich um einen bei dem heimlichen Besuch eines Liebhabers verlorenen geflochtenen Bauernschuh allerlei Mißverständnisse und erregte Auftritte ranken, wurde von den Laienschauspielern

mit durchweg origineller Natürlichkeit und Ausdruckskraft gespielt, wie sie sehr echt der slavischen Volksseele entspricht und zweifelsohne draußen im Lande starken Widerhall finden wird. Die Einfachheit der Mittel ist nach unseren Begriffen unbeschreiblich, doch ist das etwas, was zu dem primitiven natürlichen Menschen des östlichen Raumes völlig paßt und ihn in keiner Weise abstößt oder unangenehm berührt. Die von dem Chor und der Tanzgruppe oder auch von einzelnen Künstlern gebotenen Lieder und Tänze waren weniger harmonisch und geschlossen. Hier war die Verschiedenartigkeit der Herkunft und die noch verhältnismäßig geringe Übung am stärksten zu spüren. Da jedoch alle mitwirkenden eigentlich mit Freude und Begeisterung bei der Sache waren, kann man hoffen, daß sie diese Unausgeglichenheit allmählich ausgleichen werden und die Truppe immer mehr zu einer Einheit zusammen wächst.

Die Wirkung auf die anwesende hauptstädtische Bevölkerung (es dürften neben 10 deutschen Vertretern etwa 60 — 80 Einheimische dabei gewesen sein), war durchaus positiv und Beifall weckend, wenn auch einige bessere Herren der bekannten "edelweißruthenischen Führerschicht" eine gewisse überlegene Haltung an den Tag zu legen versuchten, was sich teilweise in einem vorzeitigen Verschwinden udgl. ausdrückte. Die Tage der so gestimmten Kreise dürften aber überhaupt in Weißruthenien gezählt sein, da wir ja hier kein volksfremdes System einer hauchdünnen Emigrantenschicht einrichten, sondern ein zum neuen Europa passendes Volk und Volkstum herausbilden wollen. Gez. Dr. A. Richel».

Центральний державний архів вищих органів влади та управління України (ЦДАВОУ). № 3676. (Штаб імперського керівника (рейхсляйтера) Розенберга для окупованих Східних областей.) Оп. 1. Д. 144. Л. 509— 511

Т.М. Павлова (урожденная Константинова).**Михаил Сергеевич Константинов (воспоминания дочери)**

В 1941 г. в городе Сталино (бывшая Юзовка) строили новый театр. Родители мои — певцы: Михаил Сергеевич Константинов, лирический тенор, и Ольга Андреевна, лирическое сопрано, поступили туда как премьеры-солисты. Пока кончали стройку, мы жили в гостинице, а потом переехали в театр. Папа меня носил на репетиции, и я проводила все время с ними. Когда папа дирижировал оркестром, то сажал меня рядом на подножки и говорил: «Сиди тихо!». Оркестранты еще заманивали: «Будешь хорошая — получишь шоколадку!». Весь театр был моим домом. Балетный класс, костюмерная, сцена, где писали декорации, и кулисы — это все мое родное.

Помню уборную, где передевались мои папа и мама: большое зеркало, коробку с гримом, которую я по сей день храню, два больших кресла, которые служили мне кроватью, когда мама пела в спектакле. Помню, как мама крестилась перед выходом на сцену, прикрывая левой рукой правую, потому что это было при советской власти.

Когда немцы оккупировали наш город, папу назначили директором театра. Открылась церковь, и папа стал регентом. Начальство немецкой армии очень благосклонно относилось и уважало искусство. В дополнение к пению папа стал дирижировать и симфоническим оркестром. Скрипач Василий Стамировский (отец Владимира) рассказывал, как весь оркестр встал и приветствовал папу, когда окончили играть 4-ю симфонию Чайковского.

У папы был прекрасный тембр, похожий на тембр Юсси Бьёрлинга и молодого Пласидо Доминго. Его посылали в Москву на конкурс, но дали премию Виноградову, потому что тот был комсомольцем, а папа не был¹⁶³. Судьи, известные певцы (Нежданова и другие) ушли с конкурса в знак протеста.

¹⁶³ Имеется в виду 1-й Всероссийский конкурс вокалистов 1939 года, на котором стал лауреатом лирический тенор Г.П. Виноградов.

Папа спел партию Ленского больше 240-ка раз в полном спектакле, в костюмах, а сколько в концертах — даже не считал. Мама пользовалась большим успехом в роли Татьяны, и даже папа как-то мне признался в последние годы, что лучшей Баттерфляй не было!

Когда немцы стали отступать, они с собой вывезли буквально весь наш театр: артистов, музыкантов, балетную труппу, костюмы, декорации и даже лошадку и ослика. По дороге на узловой станции Пологи партизаны подожгли эшелон со снарядами. Рядом стояли эшелоны с ранеными, с «остарбайтерами», которых в закупоренных вагонах вывозили на работы в Германию, и наш эшелон оперного театра.

Папа страдал язвой, он один сидел одетый в пальто, в сапогах, а все другие укладывались спать. Старушка Анна Григорьевна, мать большого нашего друга и аккомпаниатора Варвары Ивановны, сказала: «Миша, давай пошелгу». Она молитвой заговорила язву желудка в эту ночь.

Партизаны бегали — закрывали двери наших товарных вагонов и говорили: «Сидите, это только бомбежка!». Вдруг бомба упала под наш вагон. Вагон засыпало землей, но к счастью сразу бомба не разорвалась. Папа рассказывал, как мучительно ожидал взрыва. «Ну, скорей бы!». Но взрыва не было. Тогда он изо всей силы открыл дверь и увидел, что все вокруг горит: станция, вагоны. Он схватил меня и крикнул: «За мной!». Мама велела моему брату Олегу быстро уходить. Он взял маленький чемоданчик с фотографиями, чьи-то сандалии и спрыгнул за мамой. Пробежал он недалеко, как его отбросило воздушной волной от взорвавшейся под нашим вагоном бомбы. В ту же ночь погибло более 2000 человек, но Господь хранил нашу семью.

Наутро стали постепенно собираться люди. Начинались заморозки, это было 7 октября. Папа потом рассказывал, что мама босиком, как и многие другие, как Моисей, шагала впереди, а за ней шли остальные. И так дошли до города Николаева. Потом приехали в Одессу. Там опять поступили в оперный театр и жили около года под румынской оккупацией.

Наступали большевики, и надо было бежать. Но как? К счастью, приехали немцы, и мама обратилась за помощью к их другу, майору барону фон Пайеру. Он хотел помочь, но не знал как. Железные дороги были разрушены, проезжие дороги тоже, машин не осталось. На это мама спросила: «А лошади?». «Лошади?», — переспросил майор и дал пропуск и двадцать лошадей с подводами и продуктами. Многие сразу начали просить, чтобы ради Бога взять их с собой. Набрался целый обоз. Балетмейстер Зус с семьей, опереточный артист Дарьялов (единственный знаток, как общаться с лошадьми) и другие артисты с семьями.

Отступали немецкие войска. Дороги были разворочены танками и машинами. Наша маленькая русская лошадка Машка застряла по брюхо в глине. Бедный папа со спутниками подложил доски ей под живот, и она, стараясь изо всех сил, наконец вытянула. По краям дороги, вздутые, как слоны, лежали дохлые немецкие битюги. Потом переезжали на парамах реку Десну. Покинули Русскую землю. С большими приключениями и опасностями переехали Карпаты и остановились возле г. Темишоара в Румынии. Потом поездом добрались в Вену.

Вена, красавица-город, была еще не тронута войной. И опять пение спасло нашу семью. Давали концерты в Шенбрунне, в оперном театре. В театре заведующий сценой говорил, что такого красивого голоса, как у мамы, он не слышал за все свои годы. Была большая русская колония. В старинную нашу церковь приехала чудотворная икона Курской Божией Матери в сопровождении митрополита Анастасия и владыки Серафима. В воскресенье во время богослужения началась первая бомбежка. С образом все спустились в подвальную церковь и служили Владычице молебен. Когда вышли из храма, чудом Божьим уцелевшего, увидели кругом полностью разбомбленные дома.

И опять пришлось бежать от большевиков. Кончалась война. Наконец пришли американцы, и папин хор солистов (а также Анатолий Жуковский) устроился во французскую армию. Жили мы в Зигмарингене, в Баварии. Ездили с концертами по французской зоне. Главным пунктом был гогенцоллерновский замок — старинный, но еще действующий.

По окончании войны мы переехали в г. Равенсбург, где регентовал мой отец. Нот, конечно, не было, ведь все сгорело, и папа начал по памяти восстанавливать ноты. Он целыми днями сидел у рояля. Проиграет несколько нот — запишет, и снова, то же самое. Когда мы звали его куда-нибудь, он сердился и отвечал, что «Вам все развлечение, а мне делами надо заниматься!». Так он проводил все свое время, пока не образовал богатую нотную библиотеку. Копии и по сей день находятся в нашем Соборе...

Кажется, в 1946/47 гг. Б. Ледковский пригласил папу поехать в турне с Черноморским хором. Они объехали Германию, потом были в Швеции, от которой папа был в восторге. Страна, которая не была тронута войной! Там он познакомился с одной русской дамой, которая пригласила к себе на ужин. У нее был сын Коля, который учился петь. Пел он тенором, скромно. Это оказался знаменитый впоследствии Гедда, который приезжал в Сан-Франциско в 1971 г. в оперу и любезно выступил в Русском центре.

С 1949 года мы осели в солнечной Калифорнии. Собор Всех Скорбящих Радости выписал папу как псаломщика и певца, маму — певицей. Нелегко им было в обетованной стране. Сперва они не могли акклиматизироваться и часто болели. Опера, как таковая, почти и не существовала в то время. Папу повел знакомый «на пробу» к Курту Адлеру¹⁶⁴, папа был не в духе и буркнул, что еще никогда ему не приходилось идти «на пробу» и еще перед каким-то, не знаю кем. Адлер, понимая русский язык, конечно, ответил, что опера не нуждается в теноре!

Мама устроилась закройщицей на фабрику Николаевского. Там ее новые сослуживцы спросили, почти и не существовала в то время. Папу повел знакомый «на пробу» к Курту Адлеру¹⁶⁴, папа был не в духе и буркнул, что еще никогда ему не приходилось идти «на пробу» и еще перед каким-то, не знаю кем. Адлер, понимая русский язык, конечно, ответил, что опера не нуждается в теноре!

Впоследствии Жаров пригласил папу в турне с его Казачьим хором, и он поехал. Мы с мамой остались одни.

Как-то в разговоре с игуменом Димитрием мама упомянула, как хороши были ранние обедни в Киеве, где она познакомилась с моим папой, который то время управлял в Андреевской церкви хором на ранней обедне. Мысль эта понравилась о. Димитрию, и вскоре по благословению владыки Тихона мы начали петь под управлением о. Димитрия. Затем вернулся папа и взял на себя хор. Ранние обедни стали привлекать много прихожан. Потом пожилой регент В. Лукша ушел на покой и Константинова назначили соборным архиерейским регентом. Была крепко сколоченная русская колония. «Разведчики» [скауты] ставили очень сильную антикоммунистическую постановку «Трагедия России» с текстом автора, со стихотворениями и в сопровождении песен. Хором отлично управлял мой брат, Олег Константинов, которым отец очень гордился.

Но и тут наступило смутное время. Задумали постройку нового Собора, и все темные силы восстали против этого. Обвинили в краже честнейших людей. Облили грязью, начиная с архиепископа Тихона. Устроили в церкви сбор нечестивых. Перессорили жителей всего города. Но с Божией помощью правда победила, оправдала честных людей. С помощью мирян и сборов от множества духовных концертов был построен наш новый Скорбященский Собор. Слава Богу!

Русская жизнь. (Сан-Франциско). 1996. 28 декабря.

¹⁶⁴ Знаменитый дирижер. С 1951 года — руководитель оперного театра в Сан-Франциско.